

К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири

Индоарийские элементы составляют весьма значительную часть словарного состава языка кашмири. При этом, однако, надежные формальные критерии их выделения (отделения от исконной дардской лексики) до сих пор не выработаны. Поэтому источник таких слов (индоарийский язык-донор) в большинстве случаев остается неясным. В статье делается попытка выявить специфические черты исторической фонетики индоарийских заимствований в языке кашмири. Автор приходит к выводу о том, что целый ряд историко-фонетических изоглосс позволяет классифицировать язык-источник этих заимствований как индоарийский язык подгруппы пахари, близкородственный ряду языков Западных Гималаев, но не идентичный ни одному из них. Некоторые факты позволяют предположить, что индоарийское влияние на кашмири носило субстратный характер.

Ключевые слова: кашмири, дардские языки, индоарийские языки, заимствование, историческая фонетика, субстрат.

Одной из характерных черт кашмирского словаря является весьма высокая доля заимствований. По мнению ряда исследователей [Захарьин, Эдельман 1971, 52] она составляет не менее 80%. Несмотря на это заимствованная лексика кашмири до сих пор остается слабо изученной. Для некоторых ее пластов все еще неясен непосредственный источник заимствования. Само выделение этих пластов также представляет проблему ввиду отсутствия (или недостатка) столь необходимых исследователю-компаративисту надежных формальных критериев.

С сожалением следует признать, что данный круг проблем остается в настоящее время без должного внимания лингвистов. В новейших исследованиях, посвященных иноязычной лексике кашмири¹, рассматриваются (причем, главным образом, в социолингвистическом аспекте) либо позднейшие заимствования из английского, либо многочисленные иранизмы и проникшие через персидское посредство арабизмы. Арабско-персидский² лексический пласт действительно представляет определенный интерес. В одной из наших недавних работ [Коган 2009] мы продемонстрировали важность иранизмов и арабизмов для датировки некоторых историко-фонетических процессов в кашмири. Однако при всей своей многочисленности³ персидские и арабские заимство-

¹ См., например, [Koul 2005; Koul 2008].

² Данный термин, широко употребляемый в исследованиях по индоарийским языкам, представляется нам вполне адекватным и для кашмири, поскольку все арабизмы, имеющиеся в последнем, проникли через персидское посредство. Их появление, следовательно, является результатом того же процесса, что и появление собственно иранизмов, а именно, процесса интенсивного усвоения языком кашмири лексики классического новоперсидского литературного языка.

³ Персидская и арабская лексика составляет наиболее значительную в количественном отношении группу, причем не только среди заимствований, но и в кашмирском словаре в целом. На нее приходится, вероятно, не менее половины словарного состава кашмири.

вания обычно легко выделимы, и проблема отличия их от исконных слов, как правило, не стоит⁴. Совершенно иначе обстоит дело с лексикой индоарийского происхождения. Ее наличие в кашмири отмечалось во многих работах, начиная с трудов Дж. Грирсона [Grierson 1906, 2; 1919, 3, 235]. Однако детальное исследование ее в сравнительно-историческом аспекте не только не продвинулось сколько-нибудь значительно, но даже еще не начиналось. Поэтому историко-фонетические особенности индоарийских заимствований, а следовательно, и критерии для их выделения все еще остаются неопределенными. Неясен и язык-источник. Можно, впрочем, с уверенностью утверждать, что таких языков было несколько. Одним из них, несомненно, был и остается урду — официальный язык штата (а в прошлом — княжества) Джамму и Кашмир. Заимствования из урду в кашмири многочисленны, и их количество продолжает расти, однако, подобно иранизмам, они выделяются достаточно легко. Основная причина тому — их относительно поздний характер и, как следствие, незатронутость историко-фонетическими процессами, характерными для кашмири. Данное обстоятельство обусловило весьма значительные различия в исторической фонетике исконной кашмирской лексики и слов, усвоенных из урду. В выявлении этих последних существенную помощь может оказать и филологический метод. Язык урду был объявлен официальным языком княжества Джамму и Кашмир в 1889 году. До того эту функцию выполнял персидский язык. Он же являлся и основным литературным языком Кашмира. Тем не менее, кашмири во 2-ой половине XIX в. уже обладал довольно значительным корпусом текстов, в том числе и датированных. Это позволяет нам широко применять материал, зафиксированный в этих текстах, для верификации гипотез о заимствовании кашмирских лексем индоарийского происхождения именно из урду. Наличие того или иного слова в текстах, например, XVIII или 1-й половины XIX в. будет однозначно свидетельствовать против такой возможности⁵.

Между тем, число вероятных индоарийских заимствований, то есть, лексем, общих для кашмири и индоарийских языков, но не обнаруживающих соответствий в других языках дардской группы, в этих текстах весьма велико. Непосредственный источник таких слов, как уже говорилось, не установлен, однако, сам факт их многочисленности позволил некоторым исследователям говорить о некоем «смешанном» или «пограничном» характере языка кашмири⁶. Дж. Грирсон считал кашмирско-индоарийские лексические изоглоссы следствием межъязыковых контактов и объяснял их появление влиянием санскрита, предположительно имевшим место в домусульманскую эпоху [Grierson 1919, 241]. Такое объяснение, однако, не представляется нам приемлемым: огромное большинство предположительных индоарийских элементов в кашмири обнаруживает более позднюю по сравнению с древнеиндийским стадией историко-фонетического и семантического развития. В «индусском кашмири»⁷ име-

⁴ Единственным исключением, с которым нам пришлось столкнуться, является каш. āb 'вода'. Это слово могло бы представлять собой иранизм (ср. кл.-перс. āb то же). Однако оно обнаруживает исконные соответствия (рефлексы общеарийск. *āp- 'вода') в других дардских языках. Это, а также несомненная принадлежность обозначения воды к базисной части словаря, делает более вероятной гипотезу об имевшей место в прошлом контаминации исконно кашмирской и персидской лексики (регулярный кашмирский рефлекс общеарийск. *āp- выглядел бы как *āw). Подробнее см. [Коган 2005, 162—163].

⁵ Следует также отметить, что урду окончательно сложился как литературный язык (первоначально, в районе Дели и на прилегающих территориях) лишь во второй половине XVIII века.

⁶ См., например, [Morgenstierne 1973]. «Смешанным языком» иногда называл кашмири и Дж. Грирсон [Grierson 1927, 112—113], никогда, впрочем, не отрицавший принадлежность этого языка к дардской группе.

⁷ Особый диалект, используемый небольшой общиной кашмирцев, исповедующих индуизм. Носители этого диалекта составляют не более 5% говорящих на кашмири. В настоящее время они проживают дисперсно за пределами Кашмира.

ется определенное количество прямых заимствований из санскрита, однако доля их в словаре в целом невелика. Более или менее значительна она только в написанных кашмирцами-индусами текстах религиозного содержания. Большую часть санскритизмов «индусского кашмири» составляет индуистская религиозная терминология.

Отсутствие надежных формальных критериев для выделения основной массы индоарийских заимствований в кашмири объясняется не только неизученностью последних, но и имевшим место до самого недавнего времени крайним недостатком знаний об исторической фонетике дардской группы в целом, об общедардских историко-фонетических инновациях и архаизмах. Однако в последние годы в сравнительно-историческом изучении дардских языков замечен определенный прогресс. В частности, удалось выявить целый ряд историко-фонетических явлений, свидетельствующих с одной стороны о генетическом единстве дардской группы, с другой — о невозможности возведения дардских языков к древнеиндийскому, то есть классификации их как индоарийских [Коган 2005]. Это, например, характерное для всех дардских языков совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой, затронувшее и рефлексы общеарийских двухфокусных аффрикат⁸, специфическое, отличное от индоарийского, отражение в языках дардской группы индоевропейских консонантных кластеров, содержащих палатовелярные, сохранение на протодардском уровне и особое, «неиндоарийское» развитие в части более поздних дардских языков общеарийских кратких дифтонгов. Индоевропейские сочетания *k's и *k'r отразились в протодардских диалектах в виде *čh. Развитие данной прафонемы в восточнотардских языках, включая кашмири, требует отдельного исследования. Отражения же древнего краткого дифтонга *ai и аффрикаты *j, напротив, вполне ясны. В кашмири это *a*⁹ и *z* соответственно¹⁰. Рефлексация, как можно видеть, заметно отличается от индоарийской. Поэтому отличительными признаками индийских заимствований, несомненно, можно считать гласный переднего ряда (прежде всего *ě*, но возможно также *ĩ*¹¹), соответствующий др.-инд. *e* и общеир. *ai¹² (и продолжающий один из индоевропейских кратких *i*-дифтонгов), и ларингальный *h*, соответствующий др.-инд. *h* и общеир. *j. Примеры обоих типов обнаруживаются в языке кашмири: *kīh* 'hair pulled out in combing' [Grierson 1932, 39] при др.-инд. *keśa-*, авест. *gaēsa-* 'волос'; *liwī-* 'обмазывание, оштукатуривание' при др.-инд. *lera-* 'намазывание, мазь, штукатурка', *limpati* 'мажет' < и.-е. *leip- 'липнуть, быть липким'¹³; *tēh* 'страстность, высокомерие' при др.-инд. *tejas-* 'острый край; пыль', хинди *teh(ā)* 'гнев, страсть', ср. общеир. *taija- 'заострять' > кл.-перс. *tēz* 'острый'; *wīh* 'облик, наряд' при др.-инд. *veṣa-* 'наряд, обманчивая внешность, личина' < *veṣ-* 'работать, действовать, исполнять', ср. общеир. *waiš- 'быть занятым, озабоченным, стремиться к чему-либо' [Cheung 2007, 416]; *yiki-* '1' в композите *yikīwaṭi* 'одновременно, вместе'¹⁴ при др.-инд. *eka-* '1', авест. *aēva-*; *han-* 'оскорблять, унижать; препятствовать, мешать' при др.-инд. *hanti* 'бьет, убивает'¹⁵, ср. авест. *jaīnti to*

⁸ Обе общеарийские звонкие двухфокусные аффрикаты (*j и *jʰ) отражаются в дардских языках в виде аффрикаты *j* или ее закономерных более поздних рефлексов. В индоарийском, как известно, общеарийск. *jʰ переходит в ларингальный *h*.

⁹ Данный рефлекс характерен для неконечной позиции.

¹⁰ Примеры см. в [Коган 2005, 19—22, 29—46].

¹¹ Такую возможность следует учитывать ввиду широкого распространения перехода *ě* > *ĩ* в различных языках мира. К таким языкам мог относиться и индоарийский язык — источник заимствований в кашмири.

¹² Общеир. *ai > авест. *aē*, др.-перс. *ai*.

¹³ Не исключено, хотя и не очевидно, наличие общеир. *raip- 'мазать' [Cheung 2007, 308].

¹⁴ Ср. *waṭi* 'in full original form (i.e. not divided up or incomplete)' [Grierson 1932, 1152].

¹⁵ См. [Turner 1966, 807].

же¹⁶; *sr̥h* ‘влага, сырость; любовь, привязанность’ при др.-инд. *snih-* ‘быть влажным, маслянистым; любить’, *sneha-* ‘жир, маслянистость; любовь, учтивость’, пали *sineha-* ‘сырость, жир; любовь, привязанность’, пракр. *siṇeha-* ‘иней, снег, туман’, *ṇeha-* ‘масло; любовь, привязанность’, лахнда *sinnā* ‘влажный, сырой’, пандж. *sinnhā* то же < и.-е. **sneig*^w*h-* ‘снежить’, ср. авест. *snaēža-* то же.

Следует отметить, что число примеров, подобных приведенным выше, невелико. Достаточно мала и их доля в общем массиве вероятных индоарийских заимствований в кашмири. Поэтому нужно признать, что сравнение предполагаемого общедардского праязыкового состояния с древнеиндийским хотя и необходимо, но отнюдь не достаточно для решения поставленной нами проблемы. Однако весьма полезным может, на наш взгляд, оказаться привлечение более поздних индоарийских данных. Как уже говорилось, проникновение индоарийских элементов в кашмири происходило в эпоху, более позднюю, чем древнеиндийская. Известно, что многие фонетические изменения в истории индоарийского были общими или близкими для весьма обширных ареалов Северной Индии. Следовательно, есть основания предположить, что индийский язык (или языки), оказывавший влияние на кашмири, мог разделять целый ряд общих историко-фонетических инноваций (генетического или ареального характера) с языками регионов, непосредственно примыкающих к Кашмиру — Северного Панджаба и Западных Гималаев.

Особый интерес в этом смысле представляет развитие древнеиндийских сибилантов. Это тот фрагмент фонологической системы древнего индоарийского, который, подвергшись весьма существенным изменениям, не сохранился в первоначальном виде ни в одном из языков-потомков. То же можно сказать и о некоторых консонантных группах.

Древнеиндийская система сибилантов, включавшая три фонемы — *s*, *ś* и *ṣ*, уже в среднеиндийскую эпоху подверглась редукции¹⁷. Следы этого процесса обнаруживаются во всех новых индоарийских языках, хотя протекал он в разных ареалах неодинаково. В основной массе языков произошло совпадение трех сибилантов в один — *ś* в языках востока Индостана (в частности, в бенгали)¹⁸, *s* в большинстве остальных индоарийских языков. Исключение составляет цыганский язык и часть языков, традиционно относимых к группе пахари, где трехфонемная система трансформировалась в двухфонемную (*s*, *ś*) вследствие совпадения среднеязычного и церебрального сибиланта. Языки группы пахари, характеризующиеся данной особенностью, распространены в Западных Гималаях непосредственно к югу и юго-востоку от кашмирского языкового ареала. Таким образом, индоарийские заимствования могли проникать в кашмири как из языков с одним исконным сибилантом (догри, пунчи, чибхали и, возможно, какие-либо неописанные близкородственные им языки), так и из языков с двухсибилантной системой (некоторые языки группы пахари).

Выявление заимствований из последних сопряжено с некоторыми трудностями и требует ряда предварительных замечаний. В самом кашмири древняя система сибилантов была затронута историко-фонетическим процессом, названным нами кашмирским передвижением сибилантов [Коган 2009]. Этот процесс заключался в том, что при сохранении старой трехчленной системы оппозиций (в данном отношении кашмири резко отличается от новоиндийских языков) сам характер этих оппозиций претерпел изме-

¹⁶ Ср. также исконный рефлекс того же корня в кашм. *bizan-* ‘вбивать’ < **abi-ḷan-* < общеар. **abhi-ḷhan-*.

¹⁷ Исключениями являются язык ряда наскальных надписей царя Ашоки и среднеиндийский язык документов из Ния. Оба языка сохраняют древнеиндийскую трехсибилантную систему.

¹⁸ Система с одним сибилантом *ś* отмечена уже в пракрите магадхи [Елизаренкова 1974, 151; Woolner 1917, 15].

нения: ранний палатальный сибилант *š (рефлекс общеиндоир. и общедард. *ś, и.-е. *k') перешел в ларингальный *h*, а более ранний церебральный сибилант *ṣ (рефлекс общеиндоир. *ṣ¹⁹, а также ряда консонантных групп) — в палатальный ś. Не исключено, что по крайней мере часть индоарийских элементов проникла в кашмири до передвижения сибилантов и была впоследствии затронута последним. В этом случае в ранних заимствованиях из языков с двухсибилянтовой системой кашм. *h* будет соответствовать двум древнеиндийским фонемам — ś и ṣ. Поскольку соответствие кашм. *h* — др.-инд. ś характерно не только для заимствований, единственным надежным формальным признаком иноязычного (индоарийского) происхождения того или иного слова следует считать соответствие кашм. *h* — др.-инд. ṣ, действительно, нерегулярное и идущее «вразрез» с кашмирским передвижением сибилантов. В случае же если заимствования из языков пахари (или близких к ним) были усвоены после перестройки кашмирской сибилантной системы, их можно будет отличить только по наличию соответствия кашм. ś — др.-инд. ś, поскольку соответствие кашм. ś — др.-инд. ṣ регулярно и для исконной лексики кашмири.

Кашмирский языковой материал дает основание предполагать наличие обоих типов заимствований. Примеры соответствия кашм. *h* др.-инд. ṣ (вероятные ранние заимствования, усвоенные до передвижения сибилантов): *hār* (в диалектах также *hāṛ*) 'название летнего месяца' при др.-инд. *āṣāḍha*- то же; *kaḥwəṭ* 'пробирный камень' при др.-инд. *kaṣaraṭṭikā*- то же; *maḥār*- 'растирать в порошок, крошить (рукой)', ср. пракр. *masāra* 'камень для размалывания', неп. *musār*- 'поглаживать', гудж. *masal*- 'тереть, толочь, месить', хинди *masal*- 'растирать' < др.-инд. *maṣ*- 'тереть' [Turner 1966, 570]; *wahar* 'год', если связано с др.-инд. *varṣa*- 'дождь; год', ср. пракр. *varisa*-, хинди *baras*, *barsā*, пандж. *varah*, *varhā*, лахнда *varhā*, неп. *barsa*, зап. пах. (котгархи) *borś* 'год'²⁰; *haṇḍāl* 'дурная женщина' при др.-инд. *ṣaṇḍālī* то же [Turner 1966, 742]; *māh* 'маш (вид бобовых)' при др.-инд. *māṣa*- 'бобы', ср. пандж., лахнда *māḥ* 'маш', зап. пах. (котгархи) *maś* 'черные бобы'; *tuh* 'рубленая солома, сечка' при др.-инд. *tuṣa*- то же, ср. синдхи *tuḥu*, пандж. *tuh* 'сечка', хинди *tūs* 'рисовая шелуха, солома'; *roḥ* 'название зимнего месяца' при др.-инд. *rauṣa*- то же, ср. лахнда *rōh*, пандж. *roḥ*, зап. пах. (котгархи) *roś* то же; *wīh* 'наряд, облик' при др.-инд. *veṣa*- 'наряд; обманчивая внешность, личина', ср. пракр. *vēsa*- 'одежда и украшения', хинди *besā*, *bhes* 'одежда, обличье', зап. пах. (котгархи) *bheś* 'наряд; обманчивая внешность, личина'; *gah* 'размалывание, растирание в порошок' при др.-инд. *gharṣa*- 'трение', ср. лахнда *ghas* 'истирание, трение', гудж. *ghās* 'износ'. К данной группе примеров примыкает также пример нерегулярного соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr*²¹: *hēr* 'лестница' при пракр. *siḍḍhi*-, пандж., хинди *siṛhī*, гудж. *sīḍī*, зап. пах. (котгархи) *śiṛh* то же < **śriḍhi*- или (часть форм, напр., пандж.) < **śreḍhi*- [Turner 1966, 737]. Часть приведенных примеров, а именно, те, в которых церебральный ṣ в древнеиндийском находился в интервокальном положении, могла бы представлять собой заимствования из языков или диалектов, близких к лахнда, где в данной позиции более ранний *s* (в том числе *s* < ṣ) регулярно переходил в *h*. Однако наличие случаев соответствия др.-инд. ṣ кашм. *h* в начале слова (кашм. *haṇḍāl* 'дурная женщина' при др.-инд. *ṣaṇḍālī*), в составе группы *rṣ* (кашм. *gah* 'размалывание, растирание в порошок' при др.-инд. *gharṣa*- 'трение'), а также соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr* (см. последний пример) однозначно свидетельствует

¹⁹ Основной (хотя и не единственный) источник последнего — и.-е. *s в позициях действия правила RUKI.

²⁰ Для кашмири в данном случае можно предположить метатезу **warah* > *wahar*.

²¹ Регулярное соответствие этой группе в кашмири — ś (вероятно, из более раннего *ṣ). См. [Коган 2009].

о том, что язык-донор обладал системой из двух сибиллянтов. Вероятнее всего, это был один из языков группы пахари.

Некоторые примеры соответствия кашм. *h* др.-инд. *ṣ* требуют отдельных комментариев. Так, кашмирское прилагательное *kruḥun*, *krēhon* ‘черный’, родственное др.-инд. *kr̥ṣṇa-* то же, хотя и обнаруживает данное соответствие, едва ли может являться индийским заимствованием. Как известно, рефлексы др.-инд. *kr̥ṣṇa-* в качестве обозначений черного цвета повсеместно вытесняются в более позднем индоарийском отражениями др.-инд. *kāla-* ‘черный’²². С другой стороны, кашмирское слово обнаруживает этимологические параллели с тождественной семантикой в целом ряде дардских языков: шина *kinu*, пхал. *kiṣiṇu*, сави *kṣenī*, май. *kiṣū*, торв. *kəṣən*, башк. *kiṣin*, кал. *kriṣṇa*, тир. *kəgən* ‘черный’. Все это заставляет признать наиболее вероятным именно исконное происхождение рассматриваемого примера из кашмири. В этом случае, однако, требует объяснения нерегулярное развитие *h* из более раннего **ṣ*. Оно, несомненно, не может быть связано с соседством носового, на что указывают такие примеры, как кашм. *wuṣun* ‘теплый, горячий’ при др.-инд. *uṣṇa-* то же. Из двух приведенных кашмирских форм — *kruḥun* и *krēhon* — последняя, возможно, является более архаичной. Она практически вышла из употребления в современном языке, уступив место форме *kruḥun*, однако послужила основой для некоторых отадъективных образований (*krēhanēr* ‘чернота’, *krēhanun* ‘чернеть’), а кроме того прослеживается в некоторых композитах: *krēhṇibraz* ‘сорт риса с темной соломой и шелухой’, *krēhṇimāz* ‘печень’ (букв. ‘черное мясо’). Гласный *ē* в данной форме может продолжать более старый краткий *i*, а ее раннекашмирский прототип, таким образом, мог выглядеть как **kriṣanu*. Непосредственное соседство с гласным *i*, возможно, стало причиной децеребрализации сибиллянта *ṣ* и передвижения его в палатальный ряд. Возникший таким образом палатальный *ṣ* должен был в соответствии с кашмирским передвижением сибиллянтов регулярно отразиться в современном языке в виде *h*.

Аналогичный процесс можно предположить и для таких примеров, как *pih-* (инфинитив *pihun*) ‘размалывать’ (ср. др.-инд. *piṃṣati*, *piṇaṣṭi* ‘размалывает’) и *wih*, *wēh* ‘яд’ (ср. др.-инд. *viṣa-* то же). В первом случае, впрочем, специфическое историко-фонетическое развитие могло быть связано также с наличием в прошлом носового элемента перед сибиллянтом. Таким образом, оба приведенных примера не обязательно считать индоарийскими заимствованиями.

Примеры соответствия кашм. *ṣ* др.-инд. *ś* (вероятные заимствования, усвоенные после кашмирского передвижения сибиллянтов): *śōd* ‘чистый’ при др.-инд. *śuddha-* ‘чистый, очищенный, белый, яркий’, ср. пракр. *suddha-* то же, лахнда (диал. аванкари) *suddhun* ‘быть чистым’, пандж. *suddhā* ‘простой, прямой, честный, преданный’, неп. *sudho* ‘честный, простой’, хинди *sūdhā* ‘чистый, истинный’, зап. пах. *śudhī* ‘чистота’, догри (диал. области Бамхар) *śuadh* ‘чистый’ [Gosvāmī 2000, 707]; *šēstar*, *šēstar* ‘железо’ при др.-инд. *śastra-* ‘режущий инструмент, железо’, ср. цыг. *šastir*, *saster* ‘железо’; *šēkh*, *šēkh* ‘сомнение, колебание’ при др.-инд. *śāṅkā-* ‘страх, недоверие’, ср. пали *sankā-* ‘страх, подозре-

²² Редкие продолжения др.-инд. *kr̥ṣṇa-* в новоиндийских языках обычно обнаруживают изменение значений (ср. синдхи *kiṇo* ‘грязный, вонючий’, лахнда (диал. аванкари) *kinṇā* ‘уродливый’, мар. *kānhī* ‘головня (болезнь зерна)’, а также разные варианты имени бога Кришны: пракр. *kaṇha-*, *kiṇha-*, синдхи *kāno*, пандж. *kānh*, бенг. *kāna*, ория, майтхили *kānha*, бходжпури *kānhā*, авадхи *kādhaiyā*, хинди *kānh*, мар. *kānhū*). Рефлексы со значением ‘черный’ еще сохраняются в среднеиндийских языках (праkritах и пали), однако там они обнаруживают следы более поздних фонетических изменений, не затронувших кашмирский пример, в частности, следы полной вокализации слогового *ṛ*. Форма с переходом *ṣ* > *ś* не засвидетельствована ни в одном известном нам индоарийском языке.

ние', синдхи *sanga*, лахнда *sāg* 'робость', пандж. *sang* 'стыд', зап. пах. (диал. джаунсари) *śāg* 'сомнение'; *śōṭh* '(сушеный) имбирь' при др.-инд. *śuṇṭhī* 'сушеный имбирь', ср. пракр. *suṇṭhī-*, синдхи *suṇḍhi*, лахнда *sūḍh*, пандж. *suṇḍh*, зап. пах. (диал. джаунсари) *śūṭh*, хинди *sūṭh*, *sōṭh* то же, неп. *soṇo* 'дикий имбирь'; *āś* 'надежда, ожидание, желание' при др.-инд. *āśas-*, им.пад. ед.ч. *āśāḥ* 'желание, ожидание', ср. лахнда, пандж., хинди, неп., гудж., мар. *ās* 'надежда'.

Как и в случае с разобранным выше соответствием кашм. *h* др.-инд. *ṣ*, имеются отдельные примеры, отнесение которых к индоарийским заимствованиям представляется проблематичным. Такие кашмирские слова, как *śūb* 'красота, изящество', *śūbun* 'быть красивым; подходить, быть впору', *śūbīwun* 'красивый; подобающий, подходящий', несомненно, этимологически неотделимы от др.-инд. *śobhate* 'сияет, красиво выглядит' и при этом обнаруживают соответствия в ряде дардских языков: сави *śobaṇo* 'красивый', вот. *śubyeu* 'красивая (ж.р.)'. Предполагать для кашмирских примеров индоарийское происхождение нет оснований. В ряде индоарийских языков имеются глаголы, семантически близкие к кашм. *śūbun* и восходящие к производным от древнеиндийского корня *śubh-*, но в этих глаголах др.-инд. *bh* обычно отражается как *h* (ср. синдхи *suhāiṇu* 'приличествовать', пандж. *suhāiṇā* 'быть приятным', гудж. *suhāvũ* 'хорошо выглядеть', хинди *suhānā* 'приличествовать', неп. *suhānu* 'подходить, быть впору'), причем переход, по видимому, имел место еще в среднеиндийскую эпоху. Древний смычный сохраняется лишь в редких производных от древнеиндийской основы *śubhya-*: неп. *subhnu* 'подходить, согласовываться', майтхили *subhab* 'выглядеть красивым'. Однако форма подобного типа вряд ли могла послужить непосредственным источником вышеприведенных кашмирских: без объяснения остается долгий гласный *ī* в кашмири. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что наличие у кашмирского глагола семантики 'подходить, быть впору' сближает его именно с индоарийскими формами и отличает от дардских, у которых данный круг значений не засвидетельствован. Это позволяет предположить наличие в прошлом процессов семантического сближения, вероятнее всего, обусловленных межъязыковыми контактами. Те же контакты могли обусловить и фонетическое сближение, выразившееся в восстановлении (или, возможно, сохранении) начального *ś* в кашмирском глаголе. Иными словами, есть основания полагать, что рассматриваемая здесь историко-фонетическая нерегулярность связана с влиянием на кашмири какого-либо языка (или языков) с двухсибилянтной системой, однако не является при этом результатом прямого лексического заимствования. Существительное *śūb* следует в этом случае рассматривать как отглагольное образование.

Изменением по аналогии может объясняться и начальный *ś* в кашм. *śōch* 'чистка, очистка, очищение', *śōcar* 'чистота' (ср. др.-инд. *śuci-* 'очищение', *śocyate* 'очищается'). Не исключено, что сибилант в этих примерах восстановился или сохранился под влиянием рассмотренного выше прилагательного *śōd* 'чистый' и его производных (ср. *śōzar* 'чистота', *śōzaran* 'очищение'). Возможно, впрочем, и другое объяснение: отсутствие перехода *ś > h* может быть связано с необходимостью сохранения формального отличия кашм. *śōch* от своего антонима *hōch* 'нечистота, загрязнение'. Иными словами, в данном случае можно предположить явление, обратное контаминации. У кашм. *śōch* имеется вариант *śrōch* с неэтимологическим *r*. Происхождение последнего неясно.

В кашмири имеются заимствования и из индоарийских языков с одним исконным сибилантом. Число таких заимствований, впрочем, невелико. При этом большинство из них может с немалой долей вероятности считаться усвоенными из урду и потому особого интереса не представляет. Есть, однако, и отдельные примеры, проникшие из какого-то другого источника, на что указывают данные исторической фонетики (ср. *gas* 'разма-

ывание, растирание’ при др.-инд. *gharṣa-* ‘трение’²³; *sōc-* ‘думать’ при синдхи, лахнда, пандж., хинди, неп. *soc-* то же, если новоиндийские формы связаны с др.-инд. *śucyati* ‘медитирует’²⁴).

Как уже говорилось, немалый интерес при выявлении индоарийских элементов в кашмири представляет рефлексация ряда консонантных групп. Древнеиндийская группа *kṣ*, развившаяся, как известно, из нескольких разных индоевропейских источников²⁵, отражается в более позднем индоарийском главным образом в виде (k)kh. Такое развитие отмечается уже в среднеиндийскую эпоху и присуще подавляющему большинству новоиндийских языков. В дардских языках, включая кашмири, общеарийские и общеиндоиранские прототипы др.-инд. *kṣ* развиваются совершенно по-иному — в виде глухих аффрикат [Коган 2005, 75—94; 2009]. Таким образом, еще одним надежным формальным признаком индийского заимствования в кашмири можно считать наличие соответствия кашм. *kh*²⁶ др.-инд. *kṣ*. Примеры подобного соответствия действительно существуют: *khāri* ‘соленый, засоленный (о почве)’ при др.-инд. *kṣāra-* ‘едкий, едкое вещество, щелочь’, ср. синдхи *khāro*, лахнда, пандж. *khārā* ‘соленый’, хинди *khār* ‘зола, поташ, щелочь, солончак’, *khāri* ‘морская вода’, гудж. *khār* ‘соль’, *khārū* ‘солончак’, майтхили *khariā* ‘солончак’; *khīr* ‘рисовая каша’ при др.-инд. *kṣīrī*, *kṣīrikā* ‘молочное блюдо’, ср. пандж., хинди, гудж. *khīr*, неп. *khir* ‘рисовая каша’; *khūr* ‘бритва’ при др.-инд. *kṣura-* ‘бритва’, *kṣaura-* ‘бреющий’, ср. пали *khura-*, зап. пах. (бхалеси) *khuro*, бенг. *khur*, бихари *khūr* ‘бритва’; *khīt* ‘возделанное поле, пахотная земля; земледелие, сельское хозяйство’ при др.-инд. *kṣetra-* ‘земля, поле’, ср. пракр. *khetta-* ‘поле’, *khettia-* ‘относящийся к полю, полевой’, пандж., хинди, гудж. *khet* ‘поле’, *khetī* ‘земледелие, сельское хозяйство’, лахнда (диал. аванкари) *khētrī*, неп. *kheti* ‘посев’²⁷; *lakhñ* ‘знак, признак, примета’ при др.-инд. *lakṣaṇa-* ‘знак; цель’, ср. пали, пракр. *lakṣhaṇa-* ‘отличительный признак’, пандж. *lakṣhaṇ* ‘знак, примета’; *rakh* ‘крыло, сторона’ при др.-инд. *raṁkṣa-* ‘перо, крыло, сторона’, ср. пали, пракр. *rakkha-* ‘крыло, сторона, половина месяца’, синдхи *rakhu* ‘перо’, пандж. *rakkh* ‘сторона, половина месяца’, *rhangh* ‘крыло’, хинди *rākh* ‘сторона’, *rākh* ‘крыло’, зап. пах. (бхалеси) *rākh* ‘крыло птицы или бабочки’, неп. *rwākh* ‘крыло’ гудж. *rākh* ‘сторона’, *rākh* ‘крыло’, мар. *rākh* ‘крыло, сторона крыши, половина месяца’, цыг. *rhak*, *rakh* ‘крыло’; *rākh*’us (основа косв. пад. — *rākhēs-*) ‘демон, злой дух’ при др.-инд. *rākṣasa-* то же, ср. пали, пракр. *rakkhasa-*, пандж., хинди, гудж., *rākhas*, неп. *rākas* то же; *sākhī* ‘свидетельство, свидетель’ при др.-инд. *sākṣin-* ‘свидетель’, *sākṣya-* ‘свидетельство, улика’, ср. пали *sakkhi-* ‘свидетель’, *sakkha-* ‘свидетельство’, пракр. *sakkhi-* ‘свидетель’, *sakkhijja-* ‘свидетельство’, синдхи, лахнда, хинди *sākhī* ‘свидетель’, гудж. *sākhī*, хинди *sākh* ‘свидетельство’, пандж. *sākhī* ‘свидетель, свидетельство’; *tr’ukh* (основа косв. пад. м.р. *trikh-*) ‘быстрый, умный, остроумный’, ср. лахнда *trikkhā* ‘острый, быстрый’ < др.-инд. *tīkṣṇa-* ‘острый’ с неэтимологическим *r* [Turner 1966, 332—333].

До сих пор речь шла исключительно об историко-фонетических особенностях, специфичных для всех или для большинства индоарийских языков разных эпох. При всей

²³ Параллели из новоиндийских языков см. выше под кашм. *gah* ‘размалывание, растирание в порошок’. В случае заимствования из урду в кашмири ожидался бы долгий *ā*. Кроме того, рефлекс др.-инд. *gharṣa-* в урду не сохранился.

²⁴ Обсуждение этимологии приведенных новоиндийских форм см. [Turner 1966, 725, 732, 763]. Предположение о заимствовании в кашмири из урду оставляет без объяснения назализацию в кашмирской форме.

²⁵ В частности, из сочетаний **ks*, **k^ws*, **k’s* и кластеров, содержащих спиранты Бругмана.

²⁶ Гемината *kkh*, характерная для ряда индоарийских языков, в кашмири отсутствует.

²⁷ В кашмирском примере нерегулярно также отражение древней группы *tr* в виде *t*. Обычно эта группа сохраняется в кашмири без изменений [Grierson 1906, 106; Эдельман 1965, 25].

неоспоримой важности этих особенностей следует признать, что обнаруживающая их лексика кашмири, вероятнее всего, представляет собой лишь часть, определенное подмножество индоарийских заимствований в этом языке. Действительно, нет никаких оснований исключить наличие значительного (притом, возможно, весьма значительного) числа подобных заимствований, не обнаруживающих ни одного из рассмотренных выше историко-фонетических явлений. Такая ситуация может объясняться немногочисленностью самих этих явлений, связанной в свою очередь не только с тем, что дардские и индоарийские языки, будучи объединены общеиндоиранским родством, достаточно близки друг к другу генетически, но и с тем, что уже после распада индоиранской общности между двумя группами долгое время могли существовать союзные отношения²⁸. Препятствует выявлению индоарийских элементов в кашмири и все еще невысокий уровень этимологической изученности лексики средне- и новоиндийских языков. Это можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Кашм. *mōṭ* ‘толстый, полный (о человеке), тучный’ имеет многочисленные соответствия в новоиндийских языках (ср. лахнда, хинди *moṭā*, пандж. *moṭṭā*, зап. пах. (джаунсари) *mōṭō*, неп. *moṭo*, гудж. *moṭū* ‘полный, толстый’), однако строгих формальных критериев для отнесения этого слова к индоарийскому лексическому пласту нет, поскольку его древнеиндийский прототип неизвестен, внеиндийские этимологические связи неясны, и потому вопрос о его историко-фонетической регулярности в кашмири остается без ответа. Существенным, однако, представляется нам тот факт, что, имея вероятные параллели во многих новоиндийских языках, приведенный кашмирский пример не обнаруживает таковых в дардских. Это, на наш взгляд, делает весьма высокой вероятность заимствования и весьма низкой — вероятность сохранения общего дардско-индоарийского архаизма²⁹.

Данная методика выявления индийских элементов в дардских языках³⁰ уже применялась нами в недавней работе [Коган 2005]. С ее помощью были выявлены вероятные индоарийские заимствования в стословном списке кашмири и в кашмирских текстах, использовавшихся при этимостатистических подсчетах. Мы будем прибегать к ней и впредь, поскольку в условиях слабой разработанности новоиндийской этимологии она представляется нам незаменимой. Вместе с тем нельзя не признать, что наличие надежных аргументов в виде определенных типов звукосоответствий могло бы существенным образом подкрепить наши гипотезы. Поиск таких аргументов вовсе не представляется нам безнадежным делом. Необходимо с максимальной тщательностью исследовать историческую фонетику предполагаемых (т.е. предварительно выделенных с применением описанного выше метода) индоарийских заимствований на предмет наличия у них особенностей фонетического развития, противопоставляющих их исконной кашмирской лексике. Возможен и другой подход: в случае наличия в кашмири более чем одного типа историко-фонетического развития в одинаковой позиции следует обратить внимание на долю возможных заимствований среди примеров на каждый из типов. Такая процедура может не только дать ценный дополнительный материал для проверки гипотезы об иноязычном происхождении того или иного слова, но также, вероятно, помочь выявить некоторые не установимые иным способом особенности исторической фонетики индоарийского языка — источника заимствований в кашмири.

²⁸ Об этом см. [Коган 2005, 196—203].

²⁹ В этой связи немаловажно, что единственный дардский язык, объединенный данной изоглоссой с индоарийскими языками, является одновременно и наиболее подверженным влиянию последних.

³⁰ Следует сказать, что проблема выявления индоарийских заимствований помимо кашмири стоит и для некоторых других дардских языков, в частности, кохистанских и пхалура.

Изучение кашмирской лексики в рамках обоих вышеописанных подходов дало некоторые интересные результаты. Так, отдельные (хотя и довольно малочисленные) вероятные индоарийские заимствования обнаруживают нерегулярное для кашмири отражение древних групп *rt и *rd в виде дентальных *t* и *d* соответственно (ср. katar- ‘нарезать ломтями’ при синдхи katir-, лахнда, неп. katr-, пандж., хинди katar-, гудж., мар. kātar- ‘резать, обрезать’ < др.-инд. kartari- ‘ножницы, нож’ [Turner 1966, 145]; wath (основа косв.пад. wat-) ‘дорога’ при др.-инд. vartman- ‘след колеса, путь’, пракр. vaṭṭa-, vaṭṭā- ‘путь, дорога’, синдхи vāṭa, пандж. vāt, bāt, догри batta, зап. пах. (бхалеси, бхадарвахи, чамеали, пангвали) batt, зап. пах. (падари) bat, неп. bāṭo ‘дорога’; lad- ‘нагружать (напр. корабль), возлагать бремя на кого-либо’³¹ при др.-инд. lardayati ‘грузит, нагружает’, синдхи laḍ-, лахнда laḍḍ-, ladd- (диал. аванкари), пандж. ladd-, неп., хинди, гудж., мар. lād- ‘грузить, нагружать’). В исконной лексике кашмири несомненных случаев такого развития не отмечено. Регулярными кашмирскими рефлексам указанных древних кластеров являются церебральные *ṭ* и *ḍ* соответственно [Коган 2010].

Среди примеров нерегулярного историко-фонетического развития особый интерес в связи с проблемой индоарийских заимствований представляют кашмирские отражения некоторых консонантных групп с начальными носовыми. Кластеры типа «носовой + глухой» обнаруживают в кашмири две серии рефлексов. К первой (пожалуй, более частотной) относятся рефлексы типа «носовой + звонкий», иногда с некоторыми дополнительными фонетическими изменениями, регулярными для кашмири (утрата придыхания глухими придыхательными при озвончении, развитие *z* из более раннего *ḷ*): tromb- ‘колоть иглой’, ср. др.-инд. trumpati ‘причиняет боль’, синдхи ṭrumb- ‘колоть, втыкать’; and ‘край, конец, предел’, ср. др.-инд. anta- то же, синдхи andī ‘край’, асс. āt ‘конец клубка ниток’, синг. ata ‘конец’; andar ‘внутри, в’, әndīr ‘кишка, кишечник’, әndrīm ‘внутренности’, ср. др.-инд. antar- ‘внутри’, antara- ‘внутренний’, кховар andren ‘внутри’, торв. andarē ‘в доме’, шина (диал. кохистани) dura ‘в’, паш. andāñ, г.-б. andēc ‘кишки’; dand ‘зуб’, ср. др.-инд. dant-, danta- то же, паш. dan(d), тир., башк. dandə, нинг., вот. dan, шум. dand-, г.-б. dant, кал., торв. dḷn, кхов. don, май., пхал. dān, шина dḷn; gond ‘пучок, букет’, gand ‘узел’, gand-³² ‘связывать, завязывать’, ср. др.-инд. grantha-, granthi- ‘узел’, granthayati ‘связывает, завязывает’, кал. ghrēṇ, ghrēṇḍ-, пхал. grhēṇḍ, шина gḷṇ ‘узел’, паш. gaṭh-, шум. gaṭ-, вот. gaṭh-, г.-б. gēṇṭh- башк. gāṇḍ-, торв., май., gaṇḍ-, пхал. ghāṇḍ-, шина gaṇ- ‘связывать, завязывать’; grand ‘счет, подсчет, перечисление’ < *gr̥nti- [Turner 1966, 227]; khond ‘небольшой ров’ < *khanta- ‘выкопанный’, ср. др.-инд. khanati ‘копает’, авест. kan- ‘копать’³³; mand- ‘сбивать (напр. масло), взбивать; расплескиваться’, ср. др.-инд. manthati ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, паш. mand-, башк. mad- ‘сбивать масло’, шина man- ‘растирать, сбивать пахту’; sund, sond послелог принадлежности < *santa-, ес-

³¹ Кашмирский глагольный корень lad- ‘посылать’ вследствие различия в семантике следует, вероятнее всего, рассматривать как омонимичный (вопреки [Grierson 1932, 59]).

³² Церебрализация в кашмири и других дардских языках (а также и в отдельных индоарийских), вероятно, вызвана влиянием рефлексов древних образований от того же корня, выступавшего в виде *garth-. Церебральный ṭh в этом случае следует рассматривать как регулярное отражение древнего сочетания *rth, а церебральный ḍ в ряде языков (включая кашмири) — как позднейшее развитие более раннего ṭh в позиции озвончения. Нет никаких оснований вслед за Р. Тернером [Turner 1966, 233] считать какие-либо из приведенных дардских примеров индийскими заимствованиями.

³³ Ср. также общеиранское перфективное причастие *kanta- ‘выкопанный’, образованное аналогично предполагаемому нами древнему дардскому прототипу (но иначе, чем др.-инд. khāta-) и послужившее прототипом для основ прошедшего времени глагола ‘копать’ во многих новоиранских языках: кл.-перс., курд., пушту kand-, шугн. čīnt- и др.

ли связано с др.-инд. *santaka* 'принадлежащий кому-либо', синдхи *sando*, кати *-ste*, дамели *sā* генитивный показатель, лахнда *sandā* 'богатство', пандж. *sandā* 'движимое имущество'; *wandī* 'зима', ср. др.-инд. *hemanta-*, тир. *ēman*, нинг. *ēmand*, паш. *yemān*, г.-б. *hemand*, кховар *yomun*, кал. *heman(d-)*, башк. *hāman*, торв. *himān*, сави *hemand*, шина *yōṅ*, *yōḍ* то же³⁴; *yendar* 'прялка', ср. др.-инд. *yantra-* 'устройство, приспособление; ручная мельница', паш. (диал. лауровани) *žantr*, шум. *žō*, шина *yōṅ* 'водяная мельница', вот. *yaṅ*, г.-б. *žāl*, кал. *žōtr*, башк. *yāl*, пхал. *yāndr* 'мельница'; *koṅḍ* 'шип, колючка', ср. др.-инд. *kaṅṭa(ka)-*, пхал. *kāṅḍu*, шина *koṅ* то же; *ginz-* 'убегать, скрываться', ср. др.-инд. *giṅcanti* 'опустошают, опорожняют', пали *giṅcati* 'оставляет'; *nahang* 'беззаботный; смелый, бесстрашный', ср. др.-инд. *niḥśaṅka-* 'бесстрашный', *śaṅkā-* 'страх, недоверие', синдхи *nisangu*, лахнда *nisang*, зап. пах. (котгархи) *nəṣṅ*, хинди *nisāk* 'бесстрашный', кховар *šang* 'страх, подозрение', шина *šon* 'осторожность, предосторожность, забота'; *hangun* 'висок', ср. др.-инд. *śaṅkha-* 'височная кость'; *inz* 'гусь', ср. др.-инд. *haṃsa-*, шина *hānza* то же; *māz* 'мясо', ср. др.-инд. *māṃsa-*, тир., вот., торв. *mās*, кал., шина *mos*, пхал. *m(a)hās*, башк. *mās* то же³⁵.

Вторая серия рефлексов рассматриваемых сочетаний включает рефлекс типа «назализация предшествующего гласного + глухой». При этом если предшествующим гласным является краткий *a*, он претерпевает количественные и качественные изменения, переходя в долгий *ā*: *ākh* 'цифра, номер', ср. др.-инд. *aṅka-* 'крюк, кривая линия; знак', синдхи *angu*, лахнда, пандж. *ang* 'цифра, знак', хинди *āk(ṛā)*, гудж. *āk* 'цифра'³⁶; *āth* 'конец', ср. др.-инд. *anta-* 'край, конец, предел', параллели приведены выше под кашм. *and*; *dāth* (основа косв.пад. *dāṭ-*) 'слоновая кость', ср. др.-инд. *danta-* 'зуб, бивень, слоновая кость', хинди *hāthī kā dāt* 'слоновая кость (букв. «зуб слона）」, неп. *hātī ko dāt* то же³⁷; *dāṭun* 'зубочистка', ср. др.-инд. *dantapavana-*, синдхи *ḍandaṅu*, лахнда *ḍādvaṅ*, хинди *dāṭan*, *dāṭun*, гудж. *dāṭaṅ* то же; *dāṭ-* 'выказывать ненависть; завидовать', ср. хинди, майтхили *dāṭ-* 'угрожать; ругать, порицать, отчитывать'³⁸; *hākal* 'цепь', ср. др.-инд. *śṛṅkhala-*, синдхи *sanghara*, лахнда (диал. аванкари) *sangul*, пандж. *sangal*, зап. пах. (бхалеси) *śangli*, зап. пах. (джаунсари) *śāngal*, неп. *sānlo*, хинди *śākal*, гудж. *śākaḷ*, шина *šānālī*, *šinālī* то же; *hāṭh* 'бесплодная (о женщине или самке животного)', *hāṭh-* 'быть бесплодным, неплодоносным', ср. др.-инд. *śaṅṭha-* 'импотент', синдхи *saṅḍhi*, лахнда, пандж. *saṅḍh* 'бесплодный', зап. пах. (бхалеси) *śann*, *śāḍ* 'бесплодная корова или буйволица'³⁹; *kākun* 'браслет'⁴⁰, *kākaṅ* 'золотой или серебряный браслет', ср. др.-инд. *kaṅkaṅa-* 'браслет', пали *kankana-*, синдхи *kangaṅu*, лахнда, пандж. *kangaṅ*, зап. пах. (бхалеси) *kankaṅ*, хинди

³⁴ В кашмирской форме *w* < *m* вследствие диссимиляции по соседству с другим носовым как в *pāw* 'имя' < **nāman-*.

³⁵ Исчезновение носового в дардских примерах, включая кашмирский, объясняется, вероятнее всего аналогией с формами, образованными от основы *mās-* [Коган 2009].

³⁶ К той же древней основе в значении 'крюк' возводят также названия серпа в части дардских языков: г.-б. *hanko*, башк. *ēng*, торв. *āeng*, пхал. *āngu*. Однако эти слова стоят явно дальше семантически к кашмирскому примеру, нежели приведенные индоарийские параллели. Значение «цифра» ни в одном дардском языке (кроме кашмири) у рефлекса древнего **anka-* не обнаруживается.

³⁷ Дардские соответствия др.-инд. *danta-* в значении 'зуб' см. выше под кашм. *dand*.

³⁸ Новоиндийские формы возводятся Р. Тернером к др.-инд. *daṣṭa-* 'ужаленный, укушенный' [Turner 1966, 357].

³⁹ Р. Тернер [Turner 1966, 711] отделяет от древнеиндийской формы новоиндийские, возводя последние к прототипу *ṣaṅḍha-*. Такое разделение представляется нам совершенно не оправданным, поскольку все приведенные здесь примеры из новоиндийских языков вполне регулярно возводятся к др.-инд. *śaṅṭha-*. С другой стороны, возведение к *ṣaṅḍha-* сопряжено с определенными трудностями: в лахнда и панджаби в этом случае следовало бы ожидать перехода *ṅḍh* > *nnh*.

⁴⁰ Отмечен только как часть композита.

kaṅnā, гудж., мар. kākāṅ то же⁴¹; kṅr- ‘дрожать’, ср. др.-инд. kaṅpate ‘дрожит’, синдхи, лахнда, пандж., зап. пах. (котгархи) kaṅb-, неп. kām-, хинди, гудж., мар. kṅr- ‘дрожать’, пхал. kaṅbūm ‘вздрагиваю’; kṅṅi ‘булавка’, ср. др.-инд. kaṅṅa(ka)- ‘шип, колючка’, ср. также семантически близкое развитие в хинди kṅṅā ‘вилка’ (из того же источника); kṅṅh ‘горло, передняя часть шеи’, ср. др.-инд. kaṅṅha- ‘шея, горло’, пали kaṅṅha- то же, хинди (поэт.) kṅṅhā ‘горло’, мар. kṅṅhē ‘шея’, зап. пах. (бхалеси) kaṅṅh ‘ворот рубашки’, сави, г.-б. kaṅṅi ‘горло’; lṅkaraṅ ‘украшение, орнамент’, ср. др.-инд., пали alaṅkaraṅa- то же; mṅṅthaṅ ‘заклинание, магическая формула’, ср. др.-инд. mantra-, пали manta-, синдхи maṅṅṅu, лахнда mandar, пандж. mand, зап. пах. maṅṅṅ! то же⁴²; rṅṅch (основа косв.пад. rṅṅc-) ‘сход, третейский суд’, ср. хинди raṅc то же < др.-инд. raṅca ‘5’; rṅṅthan ‘путник, путешественник; дальнее и трудное путешествие’, ср. др.-инд. ranthā ‘путь, дорога’, пали ranthan- то же, синдхи randhu ‘путешествие’, лахнда randh ‘дорога, расстояние, поездка, перегон’, пандж. randh ‘дорога, поездка’, тир. rand, паш. (диал. лауровани) ran(d-), нинг. rāṅ, шум. rōṅ, вот. ruenth, г.-б. phōnt, кал. phon(d-), кховар ron, башк., пхал. rand, торв. rān, май. ran, шина rṅn ‘дорога, тропинка’; wṅṅch (основа косв.пад. wṅṅc-) ‘обман, надувательство’, ср. др.-инд. vaṅcate ‘обманывает’, хинди bāc- ‘обманывать’.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении двух приведенных списков — наличие позиционно немотивированных различий в историко-фонетическом развитии в этимологически тождественных словах (ср. and и ṅṅh; dand и dṅṅh; koṅṅṅ и kṅṅṅi). Данный факт не оставляет сомнений в том, что в одном из случаев речь идет о заимствовании. Более вероятным иноязычное происхождение представляется для примеров из второго списка. Такой вывод легко сделать на основании анализа семантики. В тех случаях, когда налицо различия в значении, первое слово из пары (т.е. то, в котором обнаруживается озвончение глухого) относится к базисной лексике, а второе (т.е. то, в котором глухой сохраняется и появляется долгий ṅ) к культурной: ср. значения ‘зуб’ и ‘слоновая кость’⁴³, ‘шип’ и ‘булавка’. Не будет преувеличением сказать, что данное семантическое различие противопоставляет не только отдельные этимологически родственные слова из двух списков, но и (с определенными оговорками) эти списки в целом. Действительно, примеры с озвончением относятся как к культурной, так и к базисной лексике⁴⁴, а примеры без озвончения — практически только к культурной⁴⁵. Это дает все

⁴¹ Ср. также кашм. kaṅṅun ‘браслет’ с исконным развитием или же, возможно, заимствованное из диалектов лахнда или панджаби.

⁴² Этимологически с приведенными индоарийскими формами связано также кал. mondr, mandr, mantr (наряду с mun, mon) ‘слово, речь, язык’ [Morgenstierne 1973₂, 123]. Однако эти примеры из калаша, по всей видимости, представляют собой синхронные вторичные образования от глагола mātr- ‘говорить’ (< *mantr-, ср. др.-инд. mantrayati ‘говорит’). Во всяком случае, возведение их непосредственно к общеарийск. *mantra- ‘заклинание, заговор’ (> др.-инд. mantra-, авест. maṅṅra- то же) затруднительно ввиду различий в семантике. Поэтому есть основания считать, что общеарийск. *mantra- не отразилось в современных дардских языках.

⁴³ Последнее значение особенно показательно. Ввиду отсутствия в Кашмире слонов (последних невозможно разводить в условиях сурового кашмирского климата с продолжительными морозными и снежными зимами) и ограниченности контактов с североиндийскими равнинами, обусловленной физико-географическими факторами, слово dṅṅh могло обозначать только предмет роскоши, доставляемый по международным торговым путям.

⁴⁴ Примечательно, что среди них имеется два слова стословного (dand ‘зуб’ и māz ‘мясо’) и 4 слова двухсоставного (ṅṅṅim ‘внутренности’, gaṅṅṅ- ‘связывать’ grand ‘счет’ (как компонент сложного глагола grand kaṅṅṅ ‘считать’), andar ‘в’) списка Сводеша.

⁴⁵ Пожалуй, единственным исключением является kṅṅṅh ‘горло, передняя часть шеи’. Следует отметить, что это слово в кашмири периферийно, в то время как основным обозначением горла является hoṅ. Последняя лексема имеет этимологические параллели в других дардских языках (ср. шина soṅṅ ‘горло, шея’).

основания полагать, что первый из разобранных выше типов звукосоответствий характерен для исконной лексики кашмири, а второй — для заимствований.

Еще одним заметным различием двух рассмотренных списков является повышенная концентрация во втором из них вероятных индоарийских лексических элементов⁴⁶. Из 16 составляющих его слов 11 (*ākh* ‘цифра, номер’, *dāth* ‘слоновая кость’, *dātun* ‘зубочистка’, *ḍāṭ-* ‘выказывать ненависть; завидовать’, *hāth* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, *kākup* ‘браслет’, *kār-* ‘дрожать’, *kāṭi* ‘булавка’, *māthar* ‘заклинание, магическая формула’, *rāch* ‘сход, третейский суд’, *wāch* ‘обман, надувательство’) не обнаруживают надежных соответствий ни в каких дардских языках⁴⁷, за исключением (в случае с *kār-*) языка пхалура, для которого также предполагается наличие значительного индоарийского лексического пласта. Новоиндийские же этимологические параллели этих слов всегда имеются, причем иногда в значительном количестве (см. выше). Данное обстоятельство дает все основания полагать, что развитие фонемных цепочек типа «*a* + носовой + глухой согласный» в цепочки типа «*ā* + глухой согласный» является одним из отличительных признаков индоарийских заимствований в языке кашмири. Не исключено, что аналогичным образом отражались в таких заимствованиях среднеиндийские геминированные носовые. Такое предположение делает возможным вполне удовлетворительное объяснение наличия в кашмири двух разных рефлексов древней основы **karman-* ‘дело, работа’ — *kam* и *kām*. Первый рефлекс, отражающий регулярное историко-фонетическое развитие, должен быть признан исконным. Второе же слово было, вероятно, заимствовано из индоарийского источника⁴⁸.

Предложенная нами гипотеза наталкивается на одну существенную трудность: ни в одном известном нам индоарийском языке цепочки типа «*a* + носовой + глухой согласный» не дают рефлексов абсолютно идентичных таковым в предполагаемых индийских заимствованиях в кашмири. Следует, однако, отметить, что фонема *ā* сама по себе, возможно, возникла в результате сравнительно недавних «внутрикашмирских» историко-фонетических процессов. Во всяком случае, это верно для ее неназализованного коррелята — гласного *ā*. У последнего отмечается два более ранних источника — долгий *ā* в позиции *i*-умлаута и дифтонг *ai*. Как было показано в нашей недавней работе [Коган 2009], развитие кашмирского умлаута — явление относительно позднее. Оно, несомненно, имело место после усвоения языком кашмири основной массы персидских и арабских заимствований. То же можно сказать и о переходе *ai* > *ā*, также нередком в иранизмах и арабизмах (ср. *mādān* ‘площадь’ < кл.-перс. *maidān* то же, *rādi* ‘порожденный, произведенный; добытый; обнаруженный’ < кл.-перс. *paidā* то же, *khār* ‘добро’ < кл.-перс. *χair* то же < араб., *bāth* ‘песня, стих’ < кл.-перс. *bait* ‘стих’ < араб. Логично предположить, что гласный *ā* в кашмири развился в результате аналогичных по времени и характеру фонетических изменений, затронувших более ранние назализованные *ā* и *ai*. Поскольку ни в одном кашмирском примере из второго списка не обнаруживается пози-

⁴⁶ Показательным является уже тот факт, что во втором списке совершенно отсутствуют слова, не имеющие соответствий в средне- и/или новоиндийских языках.

⁴⁷ В данную группу слов включены также и те, что имеют в самом кашмири (и в других дардских языках) этимологические параллели с исконным развитием (о них см. выше). Иноязычное происхождение таких слов, как уже говорилось, можно считать доказанным. Основанием для включения их в число рассматриваемых 11 лексем явилось отсутствие у них дардских параллелей с близкой семантикой.

⁴⁸ Наличие срединного гласного *ā* — явление весьма частое у существительных ж.р. По-видимому, именно по этой причине слово *kām*, восходящее в конечном итоге к древнеиндийской основе с.р., перешло в кашмири в ж.р.

ция *i*-умлаута⁴⁹, для вероятных индоарийских прототипов этих примеров можно предположить наличие дифтонга *aĩ*.

Развитие назализованного дифтонга *aĩ* на месте более ранней последовательности «*a* + носовой» перед глухим согласным, по-видимому, характерно для некоторых индоарийских языков, распространенных в Западных Гималаях к югу от Кашмира. Аналогичным образом ведут себя там и цепочки типа «*ā* + носовой + глухой», а также «*āĩ* + глухой» и «*ā* + глухой». Примеры всех этих типов развития обнаруживаются, например, в языке догри⁵⁰ (ср. *aĩcal* ‘край одежды’ < др.-инд. *aĩcala-* то же; *aĩtaṛī* ‘кишки, внутренности’, ср. др.-инд. *āntra-*, хинди *āṭ, āṭī* то же; *aĩtam* ‘последний’ < др.-инд. *antima-* то же; *aĩtar* ‘со-весть’ < др.-инд. *antara-* ‘внутри; то, что внутри, внутренняя часть’; *aĩtar* ‘разница, расстояние’ < др.-инд. *antara-* ‘другой, отличный’; *aĩtt* ‘конец’ < др.-инд. *anta-* то же; *aĩśś* ‘часть, доля’ < др.-инд. *aṃśa-* то же; *kaĩkar, kaĩkṛā* ‘гравий, щебень’, ср. хинди *kaĩkar* то же, гудж. *kākrā* ‘галька’ < др.-инд. *karkara-* ‘камень’; *kaĩkhyā* ‘желание, намерение’ < др.-инд. *kāṃkṣā* то же; *kaĩcā* ‘стеклянный шарик (детская игрушка)’, ср. хинди *kāc* ‘стекло’ < др.-инд. *kāca-*; *kaĩṭṭh* ‘горло’, *kaĩṭhā* ‘бусы’, ср. др.-инд. *kaṇṭha-* ‘горло, шея’, *kaṇṭhaka-* ‘бусы’; *kaĩt(t)* ‘муж’ < др.-инд. *kānta-* ‘муж, возлюбленный’; *ghaĩṭā* ‘час’, *ghaĩṭū* ‘вид бубенчика’, ср. др.-инд. *ghaṇṭā* ‘колокол’, хинди *ghaṇṭā* ‘колокол, часы, час’; *saĩcal* ‘игривый, беспокорный’ < др.-инд. *saĩcala-* ‘дрожащий, трепетный; непостоянный, переменчивый’; *saĩṭṭ* ‘сообразительный, хитрый, пронырливый’, ср. хинди *saṇṭ* то же; *jaĩtar* ‘амулет’ < др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; амулет’; *jaĩtt* ‘насекомое-вредитель’ < др.-инд. *jantu-* ‘живое существо, червь, насекомое’; *ṭaĩṭā* ‘суматоха; ссора, раздор’, ср. хинди *ṭaṇṭā* то же; *taĩtar* ‘заговор, заклинание’ < др.-инд. *tantra-* то же; *raĩcc* ‘глава деревенского совета, староста’, ср. хинди *raĩc* то же < *raĩca* ‘5’; *raĩcḥī* ‘птица’, ср. хинди *raĩkhī, ranchī*, зап. пах. (котгархи) *rañcī* < др.-инд. *raṅśin-* то же; *raĩṭh* ‘религиозная секта, вероисповедание’ < др.-инд. *rañthā* ‘путь, дорога; секта, учение’; *baĩh* ‘бамбук’ < др.-инд. *vaṃśa-* то же; *maĩtar* ‘заклинание’ < др.-инд. *mantra-* то же; *śaĩkā* ‘опасение, озабоченность’ < др.-инд. *śaĩkā-* ‘страх, недоверие’; *saĩkh* ‘раковина моллюска’ < др.-инд. *śaĩkha-* то же, *saĩkhlo* ‘веревка в маслобойке’ < др.-инд. *śraĩkhala-* ‘цепь’; *saĩtt* ‘святой’ < др.-инд. *sant-* ‘сущий, подлинный, верный’, ср. хинди *sant* ‘святой’; *saĩśā* ‘волнение, неуверенность’ < др.-инд. *saṃśaya-* ‘опасность; сомнение’; *haĩsalī* ‘ключица’, ср. др.-инд. *aṃśa-* ‘плечо, лопатка’, хинди *hāś, hāślī* ‘ключица’; *haĩśś* ‘лебедь’ < др.-инд. *haṃśa-* то же).

Историко-фонетическое развитие, обнаруживающееся в приведенных примерах, по-видимому, не является исконным для языка догри. Подобно стандартному панджаби, диалектам лахнда и (если выйти за пределы индоарийской группы) ряду дардских (включая кашмири) и иранских языков, он отражает глухой согласный после носового как звонкий: *andar* ‘внутри’ < др.-инд. *antar-*; *dand* ‘зуб’ < др.-инд. *dant-*; *gaṇḍh* ‘узел’ < др.-инд. *granthi-*; *rañj* ‘5’ < др.-инд. *rañca*; *baṇḍ-* ‘делить’, ср. др.-инд. *vaṇṭati* ‘делит’. Показательны в этом отношении также отдельные рефлексy древних причастий настоящего времени (ср. *khāndā* ‘кушающий’ < **khānantaka-*). Таким образом, вопрос о конкретном индоарийском источнике рассмотренных выше кашмирских примеров остается открытым: считать таковым именно догри нет весомых оснований.

⁴⁹ Такую позицию можно было бы предположить для прилагательного *hāṭh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, поскольку оно обычно выступает в форме ж.р., оканчивавшейся в прошлом на долгий *ī*. Показательно, однако, сохранение гласного *ā* в отагъективном глаголе *hāṭhun* ‘быть бесплодным, неплодоносным’. Такие глаголы всегда образуются от чистых основ, лишенных родочисловых показателей. Поэтому предполагать в данном случае умлаутное изменение корневого гласного нет никаких оснований.

⁵⁰ Все приводимые ниже примеры взяты нами из догри-хинди словаря О. Госвами [Gosvāmī 2000].

В этой связи чрезвычайно важно еще одно обстоятельство. Догри — язык с одним исконным сибилантом *s*, в то время как в двух приводившихся нами кашмирских примерах (*hãṭh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’ и *hãkal* ‘цепь’) обнаруживается соответствие кашм. *h* др.-инд. *ś*, указывающее на источник заимствования, различавший сибиланты *s* и *ś*. Из подобного же языка, вероятно, идут и некоторые догрские примеры (*śaĩkā* ‘опасение, озабоченность’; *aĩśś* ‘часть, доля’), в которых нерегулярным образом сохраняется др.-инд. *ś*. Из всех индоарийских языков региона двухсибилянтной системой, как уже говорилось, характеризуются только некоторые языки группы пахари. Именно их и можно предположительно считать источниками разобранной выше лексики в кашмири и догри. В случае с последним представляется несомненным, что такой источник был не один. На это указывают такие примеры, как *saĩkh* ‘раковина моллюска’, *saĩkhlo* ‘веревка в маслобойке’ и *saĩsã* ‘волнение, неуверенность’, обнаруживающие переход др.-инд. *ś* > *s*⁵¹. Следовательно, развитие назализованного дифтонга *aĩ* из последовательностей типа «*ã* + носовой» перед глухим согласным характерно для нескольких (во всяком случае, для более, чем одного) индоарийских языков западногималайского региона. К великому сожалению, этот регион все еще слабо изучен полевыми лингвистами, и многие языки все еще ждут своего описания. Появление таких описаний в будущем, скорее всего, позволит существенно уточнить границы ареала распространения выявленной нами историко-фонетической изоглоссы.

Сейчас же хотелось бы подвести некоторые предварительные итоги. Наличие рассмотренных выше кашмирских примеров с *h* < *ś* и *ã* < *a* перед носовым представляется нам весьма показательным. Оно дает основания с определенной степенью уверенности свести некоторые выявленные нами разрозненные историко-фонетические изоглоссы в один пучок и тем самым составить более полное представление о фонетических особенностях одного из индоарийских языков, оказавших влияние на кашмири. Различение рефлексов *s* и *ś* само по себе, разумеется, еще не означает принадлежности этого языка к языкам с двухсибилянтной системой, поскольку теоретически существует возможность наличия языка, сохранившего все три древнеиндийских сибиланта — *s*, *ś* и *ṣ*. Однако такие языки совершенно неизвестны среди новоиндийских, а среди среднеиндийских они крайне редки⁵², причем ни один из них не был распространен в интересующем нас ареале Западных Гималаев к югу от Кашмира. Между тем именно на данный ареал указывает развитие долгого назализованного гласного *ã* в кашмирских примерах. Поэтому следует считать наиболее вероятным (хотя и не доказанным до конца), что две из разобранных нами выше историко-фонетических особенностей, а именно совпадение древнеиндийских сибилантов *ś* и *ṣ* в виде *ś* и переход последовательностей типа «*a* + носовой + глухой» в последовательности типа «*aĩ* (> *ã*) + носовой + глухой» характеризовали один и тот же индоарийский язык. При этом можно предположить генетическую близость этого языка к языкам западной подгруппы группы пахари.

Не вполне ясно, характеризовался ли тот же самый язык переходами *rt* > *t* и *rd* > *d* (примеры см. выше). Особенностью этих переходов в индоарийских заимствованиях в кашмири является отсутствие компенсаторного удлинения предшествующего гласного в односложных словах. Эта особенность свойственна также языкам группы пахари и догри, а отдельные примеры такого развития обнаруживаются в диалектах Северного (аванкари) и Центрального Панджаба (см. приведенные выше рефлексы др.-инд. *vart-*

⁵¹ Отдельные примеры такого рода имеются и в кашмири. Ср., напр., *bãś* ‘бамбук’ при др.-инд. *vaṃśa-*.

⁵² Как уже говорилось, к ним относится язык документов из-под г. Ния в Восточном Туркестане и язык некоторых надписей царя Ашоки.

man- ‘след колеса, путь’ и lardayati ‘грузит’). Широкое распространение данного явления в языках пахари позволяет предположить, что в случае если обсуждавшийся выше индоарийский язык, сохранявший древнеиндийский сибилант ś, действительно относился к этой группе (что представляется весьма вероятным), примеры с рассмотренным нами развитием кластеров типа «r + дентальный» вполне могли быть заимствованы в кашмири именно из него⁵³.

На наш взгляд, проведенный выше анализ материала и его результаты, в будущем могут оказаться весьма полезными при исследовании кашмирской диахронии. При этом, однако, ряд установленных нами фактов ставит новые вопросы, ранее не поднимавшиеся или, по крайней мере, не формулировавшиеся в явном виде. Главные из этих вопросов — вопрос о времени усвоения языком кашмири индоарийских заимствований и вопрос о конкретных исторических условиях, в которых это усвоение происходило. Как уже говорилось, в прошлом появление большей части индийских элементов в кашмири связывали с влиянием санскрита. Принятие такой точки зрения само по себе предполагает определенные решения указанных проблем. Санскрит был официальным и основным (а вероятнее всего, и единственным) литературным языком Кашмира в доисламский период. Поэтому появление в кашмири индоарийских заимствований было бы логично относить именно к этому периоду и объяснять воздействием суперстрата. Однако мы уже указывали, что огромное большинство слов индоарийского пласта из санскрита выведено быть не может⁵⁴. Поэтому и приведенный здесь сценарий их усвоения должен быть отвергнут как невероятный. О времени кашмирско-индоарийских контактов позволяют судить некоторые факты исторической фонетики. Выше было показано, что сибилант ś в индийском языке-доноре, продолжающий др.-инд. ś и ṣ, может отражаться в кашмири либо как h, либо как ṣ̣. Это означает, что процесс заимствования начался до кашмирского передвижения сибилантов, а завершился после него. В свою очередь кашмирское передвижение сибилантов, возможно, было синхронным кашмирскому передвижению аффрикат [Коган 2009]. Последнее же датируется средними веками, на что указывают следы этого процесса в персидских и арабских заимствованиях [Ibid.]. Таким образом, по крайней мере, завершающий этап проникновения индоарийских элементов в кашмири есть основания относить к новоиндийской эпохе. Что же касается начального этапа, то хотя его сколько-нибудь точная датировка не представляется возможной, все же можно утверждать, что вряд ли время, отделявшее его от кашмирского передвижения сибилантов, могло исчисляться многими столетиями. Если бы это было так, следовало бы говорить о чрезвычайно продолжительном влиянии на кашмири одного и того же живого индоарийского языка, что как будто плохо согласуется со всем, что мы знаем о языковой ситуации в древнем и средневековом Кашмире.

Эти общие соображения находят подтверждение в виде целого ряда языковых фактов. Приводившиеся выше многочисленные примеры заимствований не обнаруживают никаких историко-фонетических или семантических архаизмов, которые могли бы противопоставить их родственным новоиндийским формам. Необходимо еще раз сказать,

⁵³ В данной связи, как нам представляется, небезынтересны также некоторые лексические изоглоссы. Так, наиболее близкие по фонетике этимологические параллели кашм. wath ‘дорога’ обнаруживаются в догри, близкородственном ему кангри, а также во многих языках группы пахари. Это дает основания утверждать с уверенностью по крайней мере то, что язык — источник кашмирского слова либо генетически, либо ареально примыкает к языкам западногималайского региона (включая территорию современного округа Джамму).

⁵⁴ На несомненность данного утверждения указывают все приведенные нами выше кашмирские данные.

что различие двух древнеиндийских сибилантов к таким архаизмам не относится, поскольку оно характерно и для некоторых новоиндийских языков, в частности, для части языков группы пахари. Не является сколько-нибудь показательной и такая черта, как отсутствие следов перехода др.-инд. $v > b$ (ср., напр., *waḥar* ‘год’ при др.-инд. *varṣa-*, *wath* ‘дорога’ при др.-инд. *vartman-*, *wīh* ‘наряд, облик’ при др.-инд. *veṣa-*). Дело в том, что наличие/отсутствие бетацизма — черта, противопоставляющая нередко наиболее генетически близкие индоарийские диалекты (ср., напр., в различных диалектах панджаби *vīh* и *bīh* ‘20’ < др.-инд. *viṃśati*, *vaḍḍā* и *baḍā* ‘большой’ < др.-инд. *vaḍra-*, *vaḍḍhā* и *baḍḍhā* ‘разрез, засечка’ < др.-инд. *vardha-* ‘резание’; в северных диалектах лахнда: *vī* (диал. аванкари), *bīh* (диал. кагани) ‘20’; *waḍḍā* (диал. аванкари), *baḗā* (диал. кагани) ‘большой’; *waḍḍ-* (диал. аванкари), *baḍḍ-* (диал. кагани) ‘делить’ < др.-инд. *vaṇṭ-*). Это заставляет нас считать переход $v > b$ в определенных ареалах (в частности, в Северо-Западной Индии) весьма поздним явлением, относящимся, несомненно, к новоиндийской эпохе, причем не к раннему ее периоду. С другой стороны, индоарийские заимствования в кашмири разделяют такие новоиндийские инновации, как падение в именах существительных конечных гласных — остатков древнеиндийской падежной флексии⁵⁵ и стяжение ряда среднеиндийских фонемных сочетаний в инлауте (ср. пали *dantarōṇa-*, пракр. *daṃta-vaṇa-* ‘зубочистка’ < др.-инд. *dantaravana-*, но кашм. *dētun* с кратким гласным во втором слоге как в новоиндийских языках). Показательны и некоторые семантические инновации, характерные для новоиндийских языков (или, во всяком случае, не зафиксированные в среднеиндийских): развитие значения ‘цифра’ у рефлекса др.-инд. *aṅka-* ‘крюк, кривая линия; знак’ (продолжения этой основы в пракритах и пали сохраняют древнеиндийскую семантику), образование вторичной глагольной основы от древнеиндийского перфективного причастия *daṣṭa-* ‘ужаленный, укушенный’ (> пали, пракр. *daṭṭha-* то же) и появление у этой основы семантики ‘упрекать, ругать, высказывать ненависть’⁵⁶ (ср. *ḍāṭ-* ‘высказывать ненависть; завидовать’, хинди, кум., майтхили *ḍāṭ-* ‘угрожать; ругать, порицать, отчитывать’). Последнее изменение сопровождалось нерегулярными фонетическими переходами (назализация гласного, утрата придыхания у более раннего (среднеиндийского) придыхательного), общими для кашмирского примера и его новоиндийских соответствий.

Таким образом, наиболее вероятными источниками индоарийского влияния на кашмири следует считать новоиндийские языки, среди которых, как уже говорилось, ведущую роль, по-видимому, играли языки западногималайского региона. Вопрос о причинах этого влияния представляется нам весьма важным и требующим специального обсуждения. Связи кашмирцев с жителями горных областей к югу и юго-востоку от Кашмирской долины (в пределах современного округа Дхамму и штата Химачал-Прадеш) существовали с давних времен и не прервались до сих пор, однако данный факт не представляется нам достаточным для объяснения существования в языке кашмири огромного индоарийского лексического пласта. Кашмир ограничен с юга мощным природным рубежом — горным хребтом Пир-Панджал, относящимся к Малым Гималаям. Перевалы через этот хребет закрыты в холодное время года, когда Кашмирская долина становится практически отрезанной от своих южных соседей. Кроме того, по Пир-

⁵⁵ Эти гласные сохраняются не только в среднеиндийских, но и в некоторых новоиндийских языках.

⁵⁶ [Turner 1966, 357]. В том же словаре приводится альтернативная этимология: новоиндийские формы возводятся к гипотетическому корню **draṭ-* ‘давить’ [Turner 1966, 377]. Если принять эту этимологию в качестве предпочтительной, все равно приходится предполагать семантическую инновацию в новоиндийских языках, характерную также и для кашмирского глагола.

Панджалу очень часто проходила и политическая граница кашмирского государства. Все это не могло не ограничивать существенно интенсивность контактов, и нам представляется маловероятным, что они могли носить массовый характер, необходимый для интенсивного заимствования лексики. Следует также иметь в виду, что Кашмир никогда не уступал соседним гималайским государствам в экономическом или культурном отношении, а обычно, наоборот, превосходил их. Индоарийские языки Западных Гималаев никогда не обладали каким-либо престижем. Почти все они были бесписьменными вплоть до нового времени, а в большинстве своем остаются таковыми и сегодня. Принимая все это во внимание, нельзя не признать, что массовое заимствование из этих языков в кашмири едва ли возможно.

Все высказанные здесь, как нам кажется, вполне обоснованные соображения входят, однако, в явное противоречие с языковыми фактами: индоарийские элементы в кашмири чрезвычайно многочисленны, они обнаруживаются в самых разных областях культурной лексики, а некоторые из них попали даже в стословный список⁵⁷. Поскольку трансграничные межэтнические контакты не являются убедительным объяснением этих фактов, вполне уместной представляется иная постановка вопроса: не мог ли индоарийский язык, оказывавший влияние на кашмири, бытовать в самой Кашмирской долине? Если это было так, этот язык должен был на определенном историческом этапе быть вытесненным кашмири или его более ранним предком, поскольку в современном Кашмире новоиндийские языки, характеризующиеся выявленными выше историко-фонетическими характеристиками, не отмечены. Таким образом, поставленный нами вопрос можно было бы сформулировать иначе: не могло ли индийское влияние на кашмири носить не суперстратный (как это предполагали ранее) или адстратный, а субстратный характер?

Мы видим некоторые основания ответить на этот вопрос положительно. На возможность распространения в прошлом в Кашмире индоарийского языка указывают, например, отдельные факты кашмирской топонимики. Интересной чертой последней является относительная малочисленность топонимов с надежными дардскими этимологиями. С другой стороны, многие географические названия Кашмирской долины имеют засвидетельствованные в текстах⁵⁸ древнеиндийские прототипы, что позволяет думать об их индоарийском происхождении⁵⁹. Некоторые из этих названий обнаруживают следы историко-фонетического развития, характерного для индийских заимствований. Следует отметить, в частности, примеры совпадения сибиллянтов *ś* и *ṣ* в виде *ś* с дальнейшим переходом в *h* (Нṛgwan название населенного пункта близ Сринагара < др.-инд. Ṣaḍarhadvana⁶⁰; Kaumuh < др.-инд. Katīmuṣa-, Rāmuh < др.-инд. Rāmuṣa- название дере-

⁵⁷ В стословном списке кашмири выделяются три индоарийских заимствования: wath 'дорога', rāth 'ночь' и zāl- 'жечь'. В первом слове имел место переход *rt* > *t*. Это, а также географическое распространение индоарийских этимологических параллелей данного слова дает основания считать его источником один из языков западногималайского ареала (см. выше). В слове rāth 'ночь' обнаруживается характерная для индоарийских языков, но не для кашмири утрата второго компонента древней группы *tr* (ср. др.-инд. rātrī). Третье же заимствование (глагольный корень zāl- 'жечь') выделено нами предположительно, хотя и с большой степенью вероятности, на основании отсутствия соответствий в других дардских языках, кроме кохистанских и гавар-бати (также подвергавшихся значительному индоарийскому влиянию), и наличия многочисленных новоиндийских параллелей (ср. пандж., хинди jāl-, зап. пах. (бхалеси)jā-, зап. пах. (котгархи) jāl-, мар. jāl-, майтхили jāg- < др.-инд. jvālayati 'поджигает').

⁵⁸ Среди таких текстов наиболее богатый материал дает придворная хроника XII в. «Раджатарангини».

⁵⁹ В отдельных случаях можно допустить заимствование из языка доиндоевропейского населения через индоарийское посредство.

⁶⁰ Буквально «лес шести архатов».

вень юго-западнее Сринагара на левом берегу реки Вешау) и нехарактерного для кашмири отражения группы *śr* в виде *h* (ср. элемент *-hōm*, соответствующий др.-инд. *āśrama* в таких названиях, как *Khuyehōm* округ на севере Кашмира < др.-инд. *Khoyāśrama* и *Kiśihōm* населенный пункт близ г. Барамула на севере Кашмира < др.-инд. *Kṛtyāśrama*⁶¹). Отмечаются и случаи развития гласного *ā̃* из более раннего *a* перед сочетанием типа «носовой + глухой»: *Rā̃cāl* ‘хребет Пир-Панджал; один из перевалов через этот хребет’ < др.-инд. *rañcāla* – название страны и народа на севере Индии; *Rā̃rag* название города (древняя Падмапура) < **Ramrur* < др.-инд. *Radmarura*-. Приведенные примеры интересны не только как свидетельство наличия в Кашмире в прошлом индоязычного населения. Они также позволяют внести определенную ясность в некоторые проблемы исторической фонетики индоарийских заимствований, поставленные нами выше, в частности, в вопрос о возможности приписать несколько выявленных историко-фонетических характеристик одному языку. Такие географические названия как *Nārwan*, *Burzihōm* и *Rā̃rag* относятся к одному району – области вокруг Сринагара. Этот район, расположенный на пойме реки Джелам, весьма невелик по площади и отличается ровным рельефом, что позволяет с немалой долей вероятности предполагать его языковую монолитность в прошлом⁶². Таким образом, развитие двухсибилянтной системы и развитие гласного *ā̃* перед глухими, вероятнее всего, характеризовало один и тот же индоарийский язык.

Поскольку влияние субстрата, как известно, не ограничивается только словарем, проверка гипотезы о субстратном характере индоарийского влияния на кашмири предполагает анализ языковых уровней, отличных от лексического. Хотя такой анализ представляется в значительной степени делом будущего, некоторые интересные факты обращают на себя внимание уже сейчас. Так, фонологическая система кашмири обладает одной особенностью, резко отличающей ее от систем большинства дардских языков и, вместе с тем, роднящей ее с новоиндийскими фонологическими системами. Речь идет об отсутствии церебральных аффрикат и сибилянтов. Как было показано в специальном исследовании [Коган 2009], данная черта кашмирской фонологии появилась в результате относительно недавних историко-фонетических процессов, названных нами передвижением сибилянтов и передвижением аффрикат. Выше нам удалось установить, что усвоение индоарийских лексических заимствований происходило синхронно этим процессам. Показательно, что такие яркие особенности фонологической системы кашмири, как наличие развитого среднего ряда в вокализме и противопоставление согласных по признаку палатализованности, совершенно не характерные для индоарийских языков, развились уже после обоих передвижений [Ibid.], то есть в эпоху, когда индийское влияние в лексике уже успело зайти достаточно далеко. Это означает, что в период тесных кашмирско-индийских контактов существовал некий исторический момент, когда кашмирская фонология стала типологически максимально близкой к фонологическим системам индоарийских языков западногималайского региона⁶³. Данный факт прекрасно согласуется с нашей гипотезой о субстрате. Если же принять во внимание приведенные выше данные топонимики, свидетельствующие в пользу этой гипотезы, можно утвер-

⁶¹ Тот же элемент *-hōm* встречается и в некоторых не засвидетельствованных в древних текстах названиях (ср., напр., *Burzihōm* местность в 5 км от Сринагара < **Bhūrjāśrama* – ‘березовая обитель?’).

⁶² Это справедливо и для настоящего: сегодня в области Сринагара говорят на одном диалекте кашмири.

⁶³ Наиболее близкими оказываются некоторые языки группы пахари с их двухсибилянтной системой и противопоставлением зубных и среднеязычных аффрикат. Сведения о фонологии этих языков взяты нами прежде всего из работ [Grierson 1916; Hendriksen 1976–86; Varma 1948]. Единственным существенным различием фонологической системы кашмири и языков пахари является наличие в последних звонкой придыхательной серии.

ждать, что на раннем этапе перестройка кашмирской фонологии, скорее всего, была связана именно с воздействием индоарийского субстрата.

С последним, возможно, связаны и некоторые кашмирско-индийские изоглоссы в семантике, как лексической так и грамматической. Так, в системе имени обращает на себя внимание одна интересная особенность в функционировании оппозиции имен существительных по роду, объединяющая кашмири с рядом новоиндийских языков. В парах неодушевленных однокоренных кашмирских существительных, различающихся родом, эта оппозиция иногда указывает на разницу в размере обозначаемых объектов, причем существительные мужского рода обозначают предметы большего размера, а существительные женского рода — меньшего: *kul* (м.р.) ‘дерево’ — *kuḷ* (ж.р.) ‘деревце, куст’; *drōt* (м.р.) ‘серп’ — *dr̥ōc* (ж.р.) ‘маленький серп’; *aḍ’ul* (м.р.) ‘большая кость (напр., кость ноги)’ — *aḍiḷ* (ж.р.) ‘кость’; *gōgul* (м.р.) ‘репа крупного размера’ — *gōgiḷ* (ж.р.) ‘репа’. В ряде индоарийских языков также отмечена данная особенность категории рода⁶⁴: синдхи, зап. пах. (бхалеси) *ghaṛo* (м.р.), пандж., хинди *ghaṛā* (м.р.) ‘большой глиняный горшок’ — синдхи, пандж., хинди *ghaṛī* (ж.р.), зап. пах. (бхалеси) *ghaṛollī* (ж.р.) ‘горшок для воды’; пандж., хинди *palā* (м.р.) ‘ковш’ — *palī* (ж.р.) ‘ковшик’; синдхи *machu*, пандж., догри *masch*, хинди *māch* (м.р.) ‘большая рыба’ — синдхи, пандж., догри *maschī*, хинди *machlī* (ж.р.) ‘рыба’; синдхи *bīṛo* (м.р.) ‘большая пуговица’ — *bīṛī* (ж.р.) ‘пуговица’; догри *pattā* (м.р.) ‘лист’ — *pattī* (ж.р.) ‘листик, листочек’; зап. пах. (котграхи) *śīrhō* (м.р.) ‘большая лестница’ — *śīrhi* (ж.р.) ‘лестница’. В дардских же языках (кроме кашмири) надежных свидетельств данного явления нет⁶⁵, что дает основания объяснять его наличие в кашмирской грамматике индоарийским влиянием.

В кашмирском именном склонении представляет интерес форма косв. пад. I м.р. на *-as*, *-is*, восходящая к общеарийской форме генитива на *-asya*. В современном кашмири эта форма в беспослеложном употреблении может выполнять генитивную и дативную функции, причем последняя отмечается гораздо чаще первой⁶⁶. Данное семантическое

⁶⁴ О данном явлении в хинди см., напр., [Липеровский 1978, 42].

⁶⁵ Отмеченные в некоторых дардских языках примеры однокоренных неодушевленных существительных, относящихся к разным родам, не позволяют сделать какой-либо однозначный вывод о характере семантических различий между членами конкретной пары (ср. г.-б. *ḍunga* (м.р.) ‘колено’ — *ḍungī* (ж.р.) ‘локоть’; пхал. *phutto* (м.р.) ‘муха’ — *phutti* (ж.р.) ‘комар’). В отдельных случаях можно предположить, что противопоставления по роду могут служить для различения частного и общего (ср. пхал. *phalūṛi* (ж.р.) ‘зерно’ — *phalūṛu* (м.р.) ‘зерно (единичное), зернышко’). Такое функционирование категории рода характерно также для некоторых иранских языков, входящих в Центральноазиатский языковой союз и связано, возможно, с влиянием субстрата, близкого к бурушаски [Эдельман 1980, 28–30]. Один пример использования показателя женского рода для образования деминутива приводит Г.Будрусс в грамматическом очерке сави(диалекта пхалура): *kuṣeṛī* (ж.р.) ‘Hemd’ — *koṣara* (м.р. мн.ч.) ‘Anzug, Kleid’ [Buddruss 1967, 29]. Следует, однако, отметить, что, во-первых, пхалура (включая и диалект сави), также как и кашмири, обнаруживает следы заметного индоарийского влияния, а во-вторых, интерпретация Г.Будрусса не представляется бесспорной: непонятно, почему рубашку следует рассматривать как «маленькую одежду». Неясна ситуация в гавар-бати. Здесь такая пара примеров, как *kaṭāra* (м.р.) ‘большой нож’ — *muṣkaṭārī* (ж.р.) ‘кинжал’ могла бы рассматриваться как аналог приведенных выше кашмирских пар. Неясно, однако, с чем в данном случае связаны различия в семантике, с разницей в роде или же с начальным элементом второго слова (*muṣkaṭārī* < **muṣkaṭārī*, ср. *muṣṭ* ‘(plough-)handle’ [Morgenstierne 1950, 44]). Второе решение представляется нам, по крайней мере, не менее обоснованным, чем первое. В этом случае название кинжала возникло из композита с буквальным значением ‘нож с особого вида рукояткой’.

⁶⁶ Кроме того, данная форма маркирует прямой объект, если последний выражен существительным, обозначающим определенный в данном контексте предмет [Захарьин, Эдельман 1971, 57, 122]. Появление у косв. пад. I этой функции, вероятно, также связано с индоарийским влиянием. Во многих новоиндийских

развитие обнаруживает полную аналогию в истории индоарийского, где уже в среднеиндийскую эпоху отмечается отмирание древней формы датива и появление у формы генитива дативной функции [Woolner 1917, 31]. В пракрыте шаурасени падежный показатель -assa (< др.-инд. -asya) функционирует как окончание датива-генитива. В некоторых новоиндийских языках, сохранивших это окончание, оно маркирует только датив. К таким языкам относятся, в частности, отдельные языки группы пахари, например, распространенный в округе Джамму падари (ср. *ghōr-as* ‘коню’, *badhēl-as* ‘волу’, *bābb-as* ‘отцу’). Следует, впрочем, отметить, что подобное развитие древнего генитива характерно не только для индоарийских языков, но и для некоторых иранских, например, для древнеперсидского, согдийского и хотаносакского [ОИТИЯ, II, 124, 136—137; Эдельман 1990, 148, 153]. Однако в языках дардской группы, сохраняющих древнее генитивное окончание (в шумашти, пашаи, калаша), у последнего не возникает дативного значения, и кашмири является в этом отношении единственным известным исключением. Это дает основания полагать, что нехарактерное для дардских языков семантическое развитие кашмирского падежного показателя может быть связано именно с влиянием индоарийского субстрата.

В местоименной системе воздействием индоарийских языков, возможно, вызвано расширение функций вопросительного местоимения *kus* (м.р.)/*kəs* (ж.р.) ‘кто?’. Это местоимение широко употребляется также в значении ‘который?’ (ср. *kus kul?* ‘которое дерево?’, *kəs kitāb?* ‘которая книга?’). Для большинства прочих дардских языков⁶⁷ такая ситуация не характерна. Вопросительные местоимения ‘кто?’ и ‘который?’ являются там разными на синхронном уровне словами, хотя и восходят в конечном итоге к производным одного индоевропейского корня (ср. вост. *kā*, *kā* ‘кто?’, *kaṁēk* ‘который?’; тир. *kāma* ‘кто?’, *kī* ‘который? что?’; кховар *kā* ‘кто?’, *kī*, *keča* ‘который?’; шина (кохистанский и гурезский диал.) *kōi* ‘кто?’, *khañ* ‘который?’)⁶⁸. Напротив, в новоиндийских языках оба указанных значения нередко выражаются одним словом (ср. зап. пах. (бхалеси) *kañi*, зап. пах. (гадди) *kuṇ*, гархвали *kō*, брадж *kaun*, авадхи *kawan* ‘кто? который?’). В отдельных случаях местоимение ‘который?’ является производным от местоимения ‘кто?’ (ср. хинди *kaunsa* ‘который?’ < *kaun* ‘кто?’ + *sā* частица, выражающая подобие).

В кашмирской глагольной системе имеется ряд аналитических конструкций (главным образом, с видовыми и модальными значениями), имеющих полные аналоги во многих новоиндийских языках. Среди них можно отметить, например, конструкции долженствования со вспомогательными глаголами *āsun* ‘быть’ и *r’op* ‘падать’, инхоативную конструкцию со вспомогательным глаголом *lagun* ‘присоединяться, приставать, касаться’⁶⁹. Вполне возможно, что, по крайней мере, часть этих конструкций обязана своим

языках прямой объект, обладающий признаком определенности, маркируется послелогом с дативным значением (напр., в хинди-урду — послелогом *ko*).

⁶⁷ Речь идет о тех языках, где засвидетельствовано как местоимение ‘кто?’, так и местоимение ‘который?’.

⁶⁸ Ситуация в некоторых дардских языках требует отдельных комментариев. Местоимение ‘кто?’ в торвали и башкарик (торв. *kām*, башк. *kaṁ*) сравнивают с др.-инд. *katama-* ‘который?’ [Morgenstierne 1940, 238]. Однако даже если данная этимология верна, общая картина в этих языках остается неясной, поскольку местоимение ‘который?’ в них не зафиксировано. Ср. тирахи, где местоимение ‘кто?’ восходит к тому же прототипу, а значение ‘который?’ выражается другим словом. В гавар-бати у местоимения *kara* отмечаются значения ‘who?’ и ‘which?’ [Morgenstierne 1950, 39], однако второе значение отмечено только в 1 примере, где данное местоимение относится к одушевленному объекту (*wōi kara mānuṣ thana?* ‘which man is this?’ [Ibid.]). Это дает основания полагать, что ситуация в гавар-бати не идентична кашмирской.

⁶⁹ Об этих и некоторых других аспектуальных и модальных формах, сближающих кашмири с индоарийскими языками, см., напр., [Захарьин 1981, 138—163].

появлением в кашмири влиянием индоарийского субстрата. Некоторые из них, впрочем, могли возникнуть в значительно более позднюю эпоху под влиянием языка урду⁷⁰. Есть, однако, еще одна черта кашмирской глагольной морфологии, несомненно, достаточно старая и при этом опять же объединяющая кашмири с новоиндийскими языками. Это широкое распространение презентных и имперфектных аналитических форм, образованных от причастия настоящего времени в сочетании с глаголом-связкой. Во многих новых индоарийских языках Северной Индии⁷¹ формы презенса и имперфекта образуются (синхронно или исторически) именно таким образом. Для большинства языков дардской группы наличие подобных форм не характерно. Исключение (помимо кашмири) составляют лишь кохистанские языки и язык пхалура⁷², как уже говорилось, также подвергавшиеся индоарийскому влиянию. Все это заставляет признать вероятным, что именно с последним связано появление данных форм. Поскольку эти формы фиксируются в кашмири на протяжении всей его письменной истории, образование их по соответствующим моделям урду исключается. Поэтому есть все основания видеть в данном случае следы воздействия индоарийского субстрата.

Подытоживая сказанное выше, следует еще раз констатировать наличие с одной стороны, многочисленных фактов разных уровней языка (фонологического, морфологического, синтаксического, лексического), свидетельствующих о былом индоарийском влиянии, а с другой — достаточно надежных данных топонимики Кашмира, указывающих на то, что это влияние, по крайней мере, отчасти исходило от субстрата. Датируется усвоение субстратных элементов, как уже было сказано, вероятнее всего, новоиндийской эпохой. С точки зрения абсолютной хронологии речь должна идти о средних веках, поскольку контакты кашмири в новое и новейшее время (начиная с XVIII в.) достаточно хорошо известны.

Проблема индоарийского субстрата в кашмири, разумеется, выходит за рамки чистой лингвистики. Уже сам факт ее наличия предполагает существование целого ряда вопросов, касающихся языкового и этнического состава населения Кашмирской долины в прошлом и этнических процессов, некогда протекавших в данном районе. В этой связи нельзя не указать на некоторые «темные места» средневековой истории Кашмира. В средние века в Кашмирской долине произошли радикальные перемены в различных сферах культуры. Результатом их стало, с одной стороны, распространение ислама, по стремительности и по масштабу, не имевшее аналогов ни в одном другом регионе Северной Индии⁷³, а с другой — значительные изменения в материальной культуре, в частности, смена покрова одежды [Bamzai 1973, 511]. Этим процессам, вероятно, сопутствовало изменение господствовавшего в Кашмире физико-антропологического типа. Во всяком случае, современные кашмирцы в расовом отношении заметно отличаются от населения Кашмирской долины в доисламское время, что уже пытались объяснить этническими миграциями [Пуляркин 1956, 104]. В исторических источниках имеются отдель-

⁷⁰ Это, вероятнее всего, относится, например, к конструкциям с континуативным и прогрессивным значением [Захарьин 1981, 144–145].

⁷¹ Среди них хинди-урду (как стандартный, так и часть диалектов), панджаби, диалекты лахнда, языки группы пахари.

⁷² В пхалура, майян и башкарик форма презенса равна причастию настоящего времени. В торвали — образуется от последнего добавлением связки.

⁷³ Исламизация Кашмира, несмотря на сравнительно позднее начало (первая известная из исторических источников мусульманская династия пришла к власти в XIV в.), была практически тотальной. Хотя во многих других районах Северной Индии распространение ислама началось значительно раньше (в Синде — в VIII в., в Панджабе — в XI в.), нигде оно не достигало масштабов, сопоставимых с кашмирскими.

ные указания на существовавшие в ранний мусульманский период связи с Кашмиром с областью Сват (ныне в Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана). Этот район населен в наши дни преимущественно пуштунами, однако до XVI в. там, вероятно, говорили на дардских языках, а жители труднодоступных районов Горного Свата дардоязычны и в настоящее время. Известно, что именно из Свата происходила первая династия кашмирских султанов [Bamzai 1973, 168, 310]. Кроме того, как сообщает анонимный автор кашмирской персоязычной хроники «Бахаристан-и-шахи», последний индусский правитель Кашмира Удьянадева скрывался в мусульманском Свате от вторгшихся в Кашмирскую долину монголов [Baharistan-i-Shahi]. Учитывая, что история Кашмира в XIII и первой половине XIV в. известна крайне фрагментарно, нельзя исключить, что в это время Кашмир и Сват могли быть каким-то образом связаны политически, что, несомненно, должно было благоприятствовать массовым переселениям. Значительная по масштабам иммиграция жителей Свата, области в рассматриваемую эпоху, несомненно, исламизированной⁷⁴ и, вероятно, дардской по языку, и последующая ассимиляция иммигрантами индоарийского населения Кашмирской долины могла бы вполне удовлетворительно объяснить как упомянутые выше явления культурной и этнической истории, так и вероятные следы индоарийского субстрата в языке кашмири. Однако пока такое объяснение можно считать лишь гипотетическим. Полноценная проверка этой гипотезы представляется нам делом будущего. Она станет возможной лишь в ходе междисциплинарных исследований и при условии активного сотрудничества представителей различных наук.

Сокращения

авест. — авестийский	мар. — маратхи
асс. — ассамский	неп. — непали
башк. — башкарик	нинг. — нингалами
бенг. — бенгали	общear., общearийск. — общearийский
вот. — вотапури	общедард. — общедардский
г.-б. — гавар-бати	общеиндоир. — общеиндоиранский
гудж. — гуджарати	общеир. — общеиранский
др.-инд. — древнеиндийский	пандж. — панджаби
др.-перс. — древнеперсидский	паш. — пашаи
зап. пах. — языки западной подгруппы	пракр. — пракриты
группы пахари	пхал. — пхалура
и.-е. — индоевропейский	синг. — сингальский
кал. — калаша	тир. — тирахи
кашм. — кашмири	торв. — торвали
кл.-перс. — классический персидский	цыг. — цыганский
курд. — курдский	шугн. — шугнанский
кхов. — кховар	шум. — шумашти
май. — майян	

⁷⁴ Имеются бесспорные свидетельства распространения ислама в Свате уже в XI в. К ним, в частности, относятся обнаруженные археологами руины мечети этого времени [HССА, 560].

Литература

- Елизаренкова 1974 — Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА. *Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков*. М., 1974.
- Захарьин 1981 — Б. А. ЗАХАРЬИН. *Строй и типология языка кашмири*. М., 1981.
- Захарьин, Эдельман 1971 — Б. А. ЗАХАРЬИН, Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Язык кашмири*. М., 1971.
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М., 2005.
- Коган 2009 — А. И. КОГАН. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики IV*. М.: РГГУ, 2009. С. 25—54.
- Коган 2010 — А. И. КОГАН. К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Mahānayaṅprakāśa. Ранний кашмири или поздний апабхранша? // *Вопросы языкового родства*, №3, 2010.
- Липеровский 1978 — В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ. *Именные части речи языка хинди*. М., 1978.
- ОИТИИЯ — *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I—II. М., 1975.
- Пуляркин 1956 — В. А. ПУЛЯРКИН. *Кашмир*. М., Географгиз, 1956.
- Эдельман 1965 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Дардские языки*. М., 1965.
- Эдельман 1980 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // *Вопросы языкознания*, 1980, № 5.
- Эдельман 1990 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М., 1990.
- Baharistan-i-Shahi — Baharistan-i-Shahi. A Chronicle of Mediaeval Kashmir translated by K. N. PANDIT. <http://www.kashmir-information.com/Baharistan/>
- Bamzai 1973 — P. N. K. BAMZAI. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi, Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd., 1973.
- Buddruss 1967 — G. BUDDRUS. *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan* (Beiträge zur Kenntnis des Dardischen Phalura). München, 1967.
- Cheung 2007 — J. CHEUNG. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden Indo-European etymological dictionary series. Brill, 2007.
- Grierson 1906 — G. A. GRIERSON. *The Piśāca languages of North-Western India* (“Asiatic Society Monographs”, vol. VIII). L., 1906.
- Grierson 1916 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. IX, pt. IV. Specimens of the Pahari Languages and Gajuri. Calcutta, 1916.
- Grierson 1919 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 2. Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmirī). Calcutta, 1919.
- Grierson 1927 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. I, pt. 1. Introductory. Calcutta, 1927.
- Grierson 1932 — G. A. GRIERSON. *A Dictionary of the Kashmiri Language*. Vol. I—IV (“Bibliotheca Indica”. Work No. 229) Calcutta, 1932.
- HCCA — *History of Civilisations of Central Asia*. Vol. IV. The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part Two. The achievements. Multiple History Series. UNESCO Publishing. Paris, 2000.
- Hendriksen 1976—86 — H. HENDRIKSEN. *Himachali studies*. Vol I. Vocabulary. Vol. II. Texts. Vol. III. Grammar. København, 1976—86.
- Koul 2005 — O. N. KOUL. *Persian Lexical Borrowings* // *Studies in Kashmiri Linguistics*. Delhi, Indian Institute of Language Studies, 2005.
- Koul 2008 — A. K. KOUL. *Lexical Borrowings in Kashmiri*. Delhi, Indian Institute of Language Studies, 2008.
- Morgenstierne 1940 — G. MORGENSTIERNE. Notes on Bashkarik. // *Acta Orientalia*. Vol. XVIII, pt. 3—4. Leiden, 1940.
- Morgenstierne 1950 — G. MORGENSTIERNE. Notes on Gawar-Bati // *Skifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filos. Klasse, 1950, No. 1, Oslo, 1950.
- Morgenstierne 1973₁ — G. MORGENSTIERNE. Dardic Languages // *The Encyclopedia Americana*. Vol. 8, p. 498. New York, 1973.
- Morgenstierne 1973₂ — G. MORGENSTIERNE. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. IV. The Kalasha Language. Oslo, 1973.
- Turner 1966 — R. L. TURNER. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. L., 1966.

- Varma 1948 — S. VARMA. *The Bhalesī Dialect*. The Royal Asiatic Society of Bengal. Monograph Series. Vol. IV. Calcutta, 1948.
- Woolner 1917 — A. C. WOOLNER. *Introduction to Prakrit*. Calcutta, 1917.
- Gosvāmī 2000 — *Dogari-hindī śabdkoś*. Mukhya sampādak Om GOSVĀMĪ. Jammū, J&K Academy of Art, Culture and Languages, 2000.

Words of Indo-Aryan origin make up a very considerable proportion of Kashmiri vocabulary. Despite this fact, however, no rigorous formal criteria, fit for distinguishing them from genuine Dardic lexical items, were worked out so far. That's why the exact source of such words (i.e. the Indo-Aryan donor language) in most cases remains unknown. In the present article an attempt is made to find specific features in historical phonology of Indo-Aryan loanwords in Kashmiri. The author comes to the conclusion that quite a few historical phonological isoglosses make it possible to classify the source of these loanwords as an Indo-Aryan language of the Pahari subgroup. It is closely related to a number of languages spoken in Western Himalaya, but not identical to any of them. There are also some facts which enable us to believe, that Indo-Aryan influence on Kashmiri was in fact the consequence of substratum interference.

Keywords: Kashmiri, Dardic languages, Indo-Aryan languages, borrowing, historical phonology, substratum.